

На правах рукописи

Команджаев Евгений Александрович

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре публичной политики и истории государства и права Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Научный консультант *Немытина Марина Викторовна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Почетный работник сферы образования Российской Федерации

Официальные оппоненты: *Дорская Александра Андреевна*, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева», Заслуженный юрист Российской Федерации;

Шансугов Дамир Юсуфович, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Заслуженный юрист Российской Федерации

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Защита состоится 5 июня 2024 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета ПДС 0900.007, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в УНИБЦ (научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Электронная версия автореферата размещена на сайте <https://www.rudn.ru/science/dissovet> Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», отправлена на сайт ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по адресу: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0900.007
кандидат юридических наук

Р.М. Аллалыев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Для более полного понимания разворачивающихся в цивилизационно-культурном пространстве Российской Федерации политических и правовых процессов необходимо глубинное исследование в историческом ракурсе институтов публичной власти с учетом этнокультурного многообразия населяющих страну народов. Трансформации социально-экономических, политических и правовых отношений в современном российском обществе обуславливают необходимость разработки эффективной и гибкой стратегии государственного строительства и регионального развития Российской Федерации. В этой связи требует пристального внимания с позиций историко-правовой науки опыт формирования государственности и права у многочисленных народов, населяющих нашу страну, сложившихся в различные исторические периоды на этнокультурной основе публичных и правовых институтов.

В 2020 г. были приняты поправки в Конституцию РФ, в соответствии с которыми в Основной Закон было введено понятие «публичная власть» (статьи 67, 71, 80, 83, 131, 132). Кроме того, термин «публичная власть» закреплен в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹. Тем самым обозначена направленность теоретико-исторических правовых исследований, как и других областей научного юридического знания, на обоснование категории «публичная власть» и изучение институтов публичной власти как в ретроспективе, так и в перспективе.

Президент России В.В. Путин в своем выступлении на международном дискуссионном форуме «Валдай» 5 октября 2023 г. отметил: «Россия является самобытным государством-цивилизацией... Цивилизаций много, и ни одна из них не лучше и не хуже другой, они равноправны как выразители чаяний своих культур и традиций своих народов... Современному миру чужда любая унификация, каждое государство и общество хотят самостоятельно выработать свой путь развития. В его основе – культура и традиции, укрепленные в географии, историческом опыте – как давнем, так и современном – и ценностях народов. Это сложный синтез, в процессе которого

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: ФЗ от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1), ст. 8973.

возникает самобытная цивилизационная общность, ее неоднородность и многообразие – это залог устойчивости и развития»².

Поддержание и сохранение стабильного государственного устройства Российской Федерации требует учета цивилизационно-культурного многообразия и традиций публичной власти и правовой жизни, особенно тех народов, которые приносили в российское общество культуру иных цивилизаций, отличных от православно-христианской. В русле истории национально-государственных образований в составе Российской Федерации вызывают интерес проблемы становления и развития институтов публичной власти в калмыцком кочевом обществе, ставшем частью Российской империи в качестве Калмыцкого ханства, обретшем государственно-правовую форму автономии в период существования СССР и сохраняющем на конституционной основе свои государственные и правовые традиции как республика в составе Российской Федерации.

Сложившиеся в основном в советский период представления о развитии российского общества и государства, его социальной, политической и правовой структуре, существовавших в нем институтах публичной власти отчасти устарели, они нуждаются в пересмотре и уточнении с позиций современной методологии. Прежняя марксистская схема государствоведения, основанная на признании социально-экономической доминанты исторических явлений, ведущей роли классовой борьбы в историческом процессе, когда государство рассматривалось как орудие классового господства, не может соответствовать реалиям сегодняшнего времени. Справедливо утверждение К.Е. Сигалова о том, что следует отличать истинный марксизм с его методологией научного познания от эпигонствующего марксизма, когда исследователи предпочитали использовать устоявшиеся штампы и типовой методологический инструментарий³.

В современное российское правоведение вводятся цивилизационно-культурные характеристики общества, государства и права. Исследования в областях социально-гуманитарного знания строятся на представлениях о цивилизациях как культурно-исторических типах общества, широких по территориальному охвату, отличающихся длительностью существования. Как отмечает М.В. Немытина, в рамках цивилизаций воспроизводит себя культура,

² XX заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 г. URL:<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 10.12.2023 г.).

³ См.: Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. 2010. № 4. С. 29–35.

частью которой являются право, публичная власть, политика, религия и другие феномены⁴. При этом цивилизационно-культурное многообразие не может трактоваться как отставание либо опережение в развитии одних народов по сравнению с другими.

Цивилизационно-культурный фактор ведет к поиску особых «культурных миров» и является свидетельством уникальности исторического развития того или иного народа, сообщества людей. Сегодняшний взгляд на цивилизации и культуры выходит далеко за рамки поиска идентичности в ракурсе «Запад – Восток». Поиск особого уникального цивилизационного пути России заставляет пристально взглянуть в прошлое народов, населяющих Российскую Федерацию, которая представляет собой многонациональное и многоконфессиональное государство, что отражено и в Конституции РФ. На территории России проживают более 190 народов. При этом Конституция РФ устанавливает государственную защиту культурной самобытности всех народов, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ст. 69). При этом сохраняются ценности и традиции, определяющие целостность российского общества.

В соответствии с поручением Президента РФ от 29 января 2023 г. с 1 сентября 2023 г. во всех вузах России в образовательные программы высшего образования был включен курс «Основы российской государственности». Тем самым подчеркивается роль России как особого цивилизационного пространства. И история калмыцкого народа, уходящая своими корнями в кочевой строй и религию буддизма, формировавшего их уникальные институты публичной власти и права, интегрированных в российскую государственную и правовую системы, в современных условиях поиска цивилизационно-культурной идентичности России является актуальной как никогда.

Можно согласиться с М.В. Немытиной в том, что «предшествующий опыт можно использовать как для конструирования регламентирующих институт норм законодательства, так и для прогнозирования ситуаций, связанных с практической реализацией института. Любой современный правовой институт, имеющий аналог в дореволюционном отечественном

⁴ См.: Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 4 (32). С. 30.

прошлом, как правило, содержит в себе элементы, штрихи исторического наследия»⁵.

Цивилизационно-культурный подход обогащает изучение правогенеза и государствогенеза, поскольку позволяет найти место традиционных начал в становлении и развитии институтов публичной власти у калмыков в дореволюционный период и обращает внимание на специфику формирования правовой культуры современного калмыцкого общества.

Калмыки разительно отличались в своем развитии от соседей на юге России: казахов, ногайцев, ставропольских туркмен, башкир, татар, горских народов Северного Кавказа и донских казаков. Калмыки являлись последними независимыми кочевниками евразийских степей, которые в позднее Средневековье и раннее Новое время совершили трансконтинентальный переход из Центральной Азии в Восточную Европу в начале XVII в. и обратно в 1771 г. До недавних пор (до 30-х гг. XX в.) калмыцкий народ занимался кочевым скотоводством. Если это обстоятельство роднило калмыков с казахами, ногайцами и ставропольскими туркменами, то в лингвистическом, антропологическом и конфессиональном плане калмыки уникальны. Калмыцкий язык относится к монгольским, в то время как кочевники-соседи говорили на тюркских языках. Калмыки исповедуют буддизм, в отличие от соседних православных и мусульманских народов. При этом калмыки являются одним из редких народов России, обладавших законодательной традицией и знавших государственность еще до принятия российского подданства. Ойраты, предки калмыков, входили в империю Чингис-хана, в XV в. ойратские правители занимали ведущие позиции в Монголии и до XVII в. номинально были включены в состав монгольского государства. При этом многие ойратские правители фактически были самостоятельными и независимыми от монгольского хана. Эти и другие отличия способствовали этнической и культурной обособленности калмыков от других народов юга России и повлияли на становление у них государственности в середине XVII в. как важнейшего элемента защиты идентичности.

Таким образом, изучение опыта развития традиционных институтов права и публичной власти в калмыцком обществе на протяжении более трех столетий, а также после ухода большей части калмыков из России в 1771 г. их последующая интеграция в российскую государственную и правовую системы имеет важную теоретическую и практическую значимость. Кроме того, на

⁵ Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е. Саратов: Научная книга, 2008. С. 90.

примере истории калмыцкого общества можно выявить и общее, и особенное в становлении и развитии институтов публичной власти народов России как в имперский период, так и в составе СССР и Российской Федерации.

Степень научной разработанности проблемы. В историографии рассматриваемой темы можно выделить дооктябрьский, советский и современный периоды.

В дооктябрьский период в науке происходил в основном сбор сведений о калмыках: появились труды исследователей с их заметками и наблюдениями, издавались памятники калмыцкого национального законодательства, публиковались данные статистики и материалы обследований калмыцкой степи.

Со второй половины XVIII в. организовывались экспедиции Российской академии наук (П.И. Рычкова, Н.П. Рычкова, П.С. Палласа, И.Г. Георги и др.), внесшие весомый вклад в изучение истории и культуры различных народов России, в том числе и калмыков. Далее ученые-историки и востоковеды значительно расширили имевшиеся представления об истории, этнографии, культуре калмыцкого этноса: И.И. Лепехин, Н. Нефедьев, М. Новолетов, П. Небольсин, П. Смирнов, И.В. Бентковский, Н.А. Попов, А.М. Позднеев. Большой интерес вызывают наблюдения и ценные заметки современников в трудах Н.Я. Бичурина, В.М. Бакунина, К.И. Костенкова и Н. Страхова. В XIX в. появились весомые труды ученых историко-правового направления: Н.В. Баснина, К.Ф. Голстунского, Ф.И. Леонтовича, Я.И. Гурлянда, Ф.А. Бюлера и др. В ряде работ дореволюционного периода были опубликованы памятники калмыцкого законодательства.

Советская историография проблемы на начальном этапе представлена сторонниками либеральной школы (В.А. Рязановский, Б.Я. Владимирцов). Большой вклад в изучение процесса становления калмыцкой государственности в составе России внесли работы Н.Н. Пальмова, опубликованные в 1920–1930-х годах. С 1940-х годов наступило время длительного затишья в развитии научной мысли Калмыкии, связанное со сталинскими репрессиями в отношении калмыков и ликвидацией Калмыцкой АССР по надуманному обвинению в сотрудничестве с фашистами.

После восстановления калмыцкой автономии в 1958 г. были подготовлены и изданы обобщающие «Очерки истории Калмыцкой АССР», явившиеся первой попыткой преодолеть отставание научной мысли в изучении региона. Специальные работы, посвященные исследованию вопросов истории государства и права калмыков, появились лишь в конце 70-

х годов в виде отдельных статей (статьи юристов В.С. Сергеева, С.М. Сагаева, историков К.Н. Максимова, М.М. Батмаева, М.Л. Кичикова, В.Ш. Бембеева, Л.С. Бурчиновой, А.Г. Митирова, К.О. Эрдниева, А.А. Чужгинова).

Спецификой современного этапа историографии проблемы явился возросший интерес к изучению историками традиционного уклада жизни и быта калмыков. В определенной степени представления о содержании истории государственного управления в дооктябрьской Калмыкии расширились благодаря работам профессора К.Н. Максимова.

По отдельным проблемам истории Калмыцкого ханства в составе России имеются труды историков К.Н. Максимова, М.М. Батмаева, А.В. Цюрюмова, В.И. Колесника и В.Т. Тепкеева⁶, а также кандидатские диссертации юристов И.Ч. Аксенова, И.К. Очир-Гаряевой и автора этих строк⁷. Истории развития местного самоуправления в Калмыкии посвящены труды И.В. Лиджиевой⁸ и Н.А. Цыкаловой⁹. Однако изучение процессов становления и развития институтов публичной власти в Калмыкии в цивилизационно-культурном пространстве России до настоящего времени не стали предметом специального историко-правового исследования. По существу, начальными шагами в этом направлении являются опубликованные в последние годы работы, в том числе и автора¹⁰.

⁶ Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 123 с.; Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.; Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 382 с.; Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.; Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.; Тепкеев В.Т. Калмыки в северном Прикаспии во второй трети XVII в.: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.

⁷ Аксенов И.Ч. Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004; Очир-Гаряева И.К. Введение Калмыкии в систему государственного управления России: историко-правовые аспекты (70-е гг. XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.

⁸ Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографический аспект). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 336 с.

⁹ Цыкалова Н.А. Местные органы государственной власти и местное самоуправление в Калмыкии в середине XIX–XX вв. (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 204 с.

¹⁰ Команджаев Е.А. Институты публичной власти в Калмыкии в XVII–XVIII вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т.23. №2. С. 219–243; Команджаев Е.А., Команджаев А.Н. Некоторые черты ментального

Вызывает интерес позиция историка Б.У. Китинова, утверждающего, что Калмыцкое ханство создавалось в рамках Третьей ойратской конфедерации наряду с Джунгарским и Хошоутским (рядом с Тибетом) ханствами. При этом Б.У. Китинов справедливо акцентировал внимание на особой роли буддийского фактора в истории ойратов: «... развитие истории определяется не столько чьими-то интересами или силой, сколько верованиями и ценностями, формирующими показатели идентичности»¹¹.

Современная зарубежная историография исследуемой проблемы представлена трудами американских историков М. Ходарковского, Д. Островски и У. Сандерленда, немецкого ученого Д. Шорковица¹².

Так, М. Ходарковский приходит к выводу, что Калмыцкое ханство являлось независимым государством, выполнявшим по отношению к России лишь союзнические функции. Он также обратил внимание на особый цивилизационно-культурный облик «мира калмыков» – уклада жизни калмыцкого общества, проявлявшегося во многих сферах его жизни. Д. Островски представил, по нашему предположению, в преувеличенном виде имевшее место монгольское влияние на Русь. Работы Д. Шорковица посвящены межкультурному взаимодействию монгольских народов на более ранних этапах. Во второй работе М. Ходарковского, американский оригинал которой был опубликован в 2002 г.¹³, автор исследовал в большей степени примеры конфликтов и сотрудничества кочевых и оседлых народов. В 2004 г. была опубликована книга У. Сандерленда «Укрощение Дикого поля: колониализм и империя в русской степи»¹⁴, в которой автор акцентировал

образа российских калмыков в конце XIX века. (по свидетельству чиновников администрации) // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 48–62; Команджаев Е.А., Сангаджиев Б.В., Команджаев А.Н. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам) // *Oriental Studies*. 2022. Т.15. № 2. С. 259–269.

¹¹ Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИВ РАН, 2020. С.35

¹² Rhodarkovsky M. *Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads. 1600–1771*. Ithaca; London: Cornell univ. press. Cop /1992. 278 p.; Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800: пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 348 с.; Ostrovski D. *Muscovy and the Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press. 1998; Шорковиц Д. Культурные контакты и культурная трансмиссия в Западной Евразии в эпоху средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 84–94; Шорковиц Д. Мобильность и неподвижность в Монгольской империи // Монголоведение. 2020. №12 (3). С. 430–445.

¹³ Khodarkovski M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire 1500–1800*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press. 2002. 304 p.

¹⁴ Willard Sunderland. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London : Cornell Univ. Press, 2004. 239 p.

внимание на политике российской администрации в местах проживания кочевых народов, характеризуя ее как успешную колониальную политику. У. Сандерленд обратил внимание на исход большинства калмыков из России в 1771 г., причиной которого автор считал возросшее вмешательство русского чиновничества во внутренние дела калмыцкого общества.¹⁵

Другие зарубежные авторы рассматривали цивилизационные отличия кочевого общества. Так, Б. Бат-Очир отмечал, что монгольское кочевое общество с XII по XVIII вв. было традиционным и консервативным. Кроме социально-экономических и политических факторов на монгольское общество большое влияние оказывал буддизм¹⁶. П. Бонте также исследовал кочевые скотоводческие общества, подчеркивая их своеобразие¹⁷.

Существенным отличием зарубежной историографии от советской и современной российской является теоретико-методологическое многообразие, используемые авторами различные подходы к исследуемой проблеме. Вместе с тем в этих работах ощущается недостаток первоисточников.

В то время как историческая наука существенно продвинулась в осмыслении проблем развития калмыцкого общества и государства, в историко-правовых исследованиях лишь фрагментарно затрагивались отдельные вопросы, касающиеся этой проблематики. Внимание исследователей (как историков, так и юристов) не акцентировалось на институтах публичной власти в калмыцком обществе XVII – начала XX вв. как элементах цивилизационно-культурного пространства России. Также не проводился системный анализ цивилизационных оснований калмыцкой государственности в контексте сочетания ойратских традиций с институтами Российского государства в период XVII – начала XX вв.

Если исходить из посыла, что «публичная власть – это производная от общества и стоящая над ним организация, имеющая институциональный характер и обеспечивающая упорядоченность отношений в обществе и управление социальными группами»¹⁸, то в таком ракурсе исторические

¹⁵ Willard Sunderland. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London : Cornell Univ. Press, 2004. P. 57.

¹⁶ Bat-Ochir B. *Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the «Medieval» History of Mongolia*. New York: Palgrave Publishing (St. Martin's Press), 2001. 204 p.

¹⁷ Bonte P. *Marxist Theory and Anthropological Analyses: The Study of Nomadic Pastoralist Societies // The Anthropology of Precapitalist Societies / ed. Kahn J.S., Llobera J.R. Atlantic Highlands*. New York, 1981. P. 22–56.

¹⁸ Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне // *Былые годы*. 2019. № 4 (54). С. 1680.

особенности развития институтов публичной власти в калмыцком обществе XVII – XIX вв. еще не рассматривались.

Объектом исследования являются публично-правовые формы калмыцкого общества XVII – начала XX вв. в цивилизационном пространстве России.

Предмет исследования – эволюция институтов публичной власти в калмыцком обществе при переходе от традиционного уклада к Калмыцкому ханству и далее при вхождении ханства в состав Российской империи.

Хронологические рамки исследования охватывают три столетия истории калмыцкого общества: период с начала XVII в. до начала XX в. *Нижняя граница – начало XVII в.* – определяется периодом перекочевки части ойратов в пределы России из Центральной Азии, становления российско-калмыцких отношений, определения территории их расселения. *Верхней границей исследования является февраль 1917 года* – падение самодержавия, установление власти Временного правительства и в конечном итоге утверждение советской социалистической государственности.

Территориальные рамки исследования применительно к XVII – XVIII вв. охватывают границы Калмыцкого ханства, в XIX – начале XX века – территорию калмыцких улусов Астраханской и Ставропольской губерний, где компактно проживала большая часть калмыцкого населения, сохранявшая традиционный уклад жизни. Данная территория в основном представляет территорию современной Республики Калмыкия. При этом в диссертации не рассматриваются особенности правового статуса калмыков, компактно проживавших в других частях России и входивших в состав российского казачества: донские, ставропольские, оренбургские, уральские, терские и кумские калмыки.

Цель исследования – характеристика институтов публичной власти в калмыцком обществе XVII – начала XX в. как в уникальной традиционной среде, так и в цивилизационно-культурном пространстве Российской империи.

Исходя из цели исследования, в работе реализуются следующие **задачи**:

– историографический и источниковедческий анализ проблемы становления и развития институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв.

– обоснование современных методологических и теоретических подходов к исследованию проблемы становления и развития институтов публичной власти в национальных окраинах России на примере истории калмыцкого общества;

– характеристика развития калмыцкого общества в XVII – начале XX вв. с позиций цивилизационно-культурного подхода и определение его места в общероссийском цивилизационно-культурном пространстве;

– выявление особенностей правового положения социальных групп в калмыцком обществе, влиявших на формирование институтов публичной власти;

– построение иерархии традиционных институтов публичной власти в калмыцком обществе в период существования Калмыцкого ханства;

– раскрытие системы осуществления правосудия в калмыцком обществе и роли института Зарго;

– выявление комплекса причин, обусловивших образование Калмыцкого ханства в составе России, особенностей взаимоотношений его публичных институтов с государственными институтами Российской империи и характеристика института ханской власти в калмыцком обществе;

– определение правового статуса калмыцких кочевий в конце XVIII – начале XX вв.;

– характеристика трансформации институтов публичной власти в результате ликвидации Калмыцкого ханства в конце XVIII – первой трети XIX вв.;

– раскрытие процесса интеграции калмыцких улусов в общероссийскую систему управления в середине XIX в.;

– оценка реформирования судебных учреждений для калмыков во второй половине XIX – начале XX вв.;

– определение основных тенденций развития институтов публичной власти в калмыцких улусах в условиях попечительской системы (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Методологической основой исследования стал комплекс научных методов и подходов, которые позволили автору всесторонне проанализировать предмет исследования и сделать соответствующие выводы. Исходными методологическими основаниями диссертационного исследования явились *диалектический, цивилизационно-культурный и социокультурный подходы.*

Диалектический подход позволил рассмотреть во взаимосвязи и взаимообусловленности совокупность факторов, повлиявших на становление и развитие институтов публичной власти в калмыцком обществе исследуемого периода, проанализировать в динамике их формирование и функционирование.

Изучение заявленной в диссертации проблемы сквозь призму *цивилизационно-культурного подхода* позволило показать институционализацию властных отношений в калмыцком кочевом обществе монголо-ойратского типа, с одной стороны, и идентифицировать эти отношения в цивилизационно-культурном пространстве Российской империи – с другой. С позиций *социокультурного подхода* оценивалось развитие институтов публичной власти в калмыцком социуме в их традиционном виде и их интеграция в российские государственные и правовые институты. Были выявлены факторы, обеспечившие сосуществование разных социальных укладов и взаимодействие разных по своей природе институтов публичной власти и права.

К числу важнейших методологических принципов исследования относятся *объективность, историзм, всесторонность*. Материал изучался с позиции приоритета верифицированного факта и анализировался с учетом времени, в котором произошло то или иное событие. Вместе с тем содержание политико-правовых форм институтов публичной власти анализировалось на основе наиболее достоверной информации из имеющихся источников. В нашем случае особое место в процессе исследования занимал *принцип историзма*, позволяющий изучать и оценивать исторические события, факты, явления и процессы в тесной связи с конкретно-историческими условиями эпохи, в которой они происходили. Это дало возможность избежать как их переоценки, так и недооценки, определить их реальную роль в ходе развития общества.

В диссертационном исследовании применялся *социологический позитивизм* как научный подход, который позволяет сделать анализ становления и развития государственно-правовых институтов и определить социальные истоки властных институтов. Указанный подход значительно расширил границы в определении факторов государствогенеза и правогенеза в калмыцком обществе, дал возможность оценить деятельность институтов публичной власти калмыцкого общества и отдифференцировать их от институтов государственной власти с учетом того, что первые отражают общественные интересы, имеют более давнюю историю и проистекают из традиций народа.

Метод системного анализа позволил рассмотреть институты публичной власти Калмыкии в период XVII – начала XX вв. как части единой совокупности взаимосвязанных элементов.

При изложении материала использовались взятые в совокупности *хронологический и институциональный принципы*, которые позволили последовательно изучить развитие различных институтов публичной власти в калмыцком обществе и выявить их институциональную природу в социокультурной среде во всем многообразии действовавших в тот или иной период властных институтов.

Автором были использованы и другие общенаучные и специальные методы познания. *Сравнительно-правовой диахронный метод* дал возможность определить как общие, так и особенные черты в создании и деятельности институтов публичной власти у калмыков. Большое значение имеет современный *метод кросс-культурного анализа*, предполагающий изучение культур путем сравнения их разных элементов. В рамках методологии сравнительно-правовых исследований также использовались *функциональное, нормативное, текстуальное сравнения*.

При рассмотрении нормативной правовой базы исследования применялся *юридико-технический инструментарий*, обеспечивший работу с источниками права Российской империи и Калмыцкого ханства.

В работе были задействованы методы *формальной логики: анализ и синтез, индукция и дедукция* и др. Собранные при проведении исследования материалы рассматривались по принципу *от частного к общему и от общего к частному*.

Источниковой базой исследования стали нормативные правовые акты Российской империи, материалы официального делопроизводства, материалы исследовательских экспедиций, заметки и наблюдения современников, правовые акты калмыков.

Важным источником исследования стали Монголо-ойратские законы 1640 г. (Великое Уложение, Степное Уложение), а также дополнения к ним джунгарского правителя Галдана Хун-тайджи и калмыцкого Дондук-Даши-хана, впервые опубликованные российскими правоведами во второй половине XIX в.

Среди источников определяющее место занимают нормативные правовые акты Российской империи. Это прежде всего «Правила для управления калмыцкого народа» 1825 г., «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг., изданные в Полном собрании законов Российской империи (1 и 2 собрание).

В диссертационном исследовании использованы материалы одного центрального и двух региональных архивов: Российский государственный

исторический архив (РГИА), Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК) и Государственный архив Астраханской области (ГА АО).

Значительный объем делопроизводственной документации содержится в фондах Российского государственного исторического архива: фонд 1405 «Министерство юстиции» и фонд 1291 «Земский отдел МВД». Было обнаружено, что ряд делопроизводственных материалов фондов российских центральных архивов имеют аналоги в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), поскольку с оригиналов, отправленных в центр, изготовлялись копии, и наоборот.

Делопроизводственные материалы по истории калмыцкого общества хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Так, в материалах фонда 36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» сосредоточена исполнительно-распорядительная документация, касающаяся взаимоотношений российских властей с калмыцкими ханами и отдельными владельцами, а также разнородная переписка с центральными учреждениями в виде рапортов, отчетов и донесений должностных лиц. В фонде 9 «Управление калмыцким народом» содержатся ценные сведения, касающиеся событий XIX – начала XX вв. (введения общероссийского управления, попыток проведения реформ второй половины XIX в., реформа 1892 г. в Калмыкии). Кроме того, использованы: фонд 21 «Большедербетовское улусное управление», фонд 24 «Багацохуровское улусное управление», фонд 26 «Яндыко-Мочажное улусное управление», где также сконцентрировался делопроизводственный материал.

Исследовательский интерес вызвали сводные годовые отчеты второй половины XIX – начала XX в., хранящиеся в РГИА и НА РК, в которых нашли отражение общие сведения о различных сторонах жизни населения калмыцких улусов: аренда земли, налоги и повинности, школы, лечебные учреждения, заселение дорог и др., а также данные о населении, хозяйстве и торговле. Указанные сведения представлены как в текстовом изложении, так и в форме статистических таблиц. В нашем случае, поскольку речь идет об этнокультурном своеобразии калмыков, вызвало интерес дело № 144 из этого фонда (опись 1) «Донесения попечителей улусов в Управление калмыцким народом, последнего Астраханскому губернатору о нравственном и экономическом состоянии калмыцкого народа», в котором нашли отражение ценные наблюдения и свидетельства русских чиновников калмыцкой администрации о нравственных чертах калмыков в конце XIX в. Данные материалы впервые введены в научный оборот.

Также впервые в научный оборот вводятся многочисленные материалы Национального архива Калмыкии по судопроизводству у калмыков, относящиеся к XIX в. (фонд 45 «Главное Зарго»). Данные материалы отчетливо показывают традиционный уклад жизни калмыцкого народа, приверженность обычаям и менталитет, которые в XIX в. начинают подвергаться влиянию российского законодательства в части организации и отправления судопроизводства.

Кроме того, большой делопроизводственный материал собран в Государственном архиве Астраханской области, так как после ликвидации Калмыцкого ханства калмыцкие улусы стали подчиняться астраханскому губернатору, и впоследствии Калмыцкая степь в административном отношении входила в состав Астраханской губернии. Документы делопроизводства сосредоточены в фонде 1 «Канцелярия Астраханского губернатора».

Всего в диссертационном исследовании были использованы материалы двух фондов Российского государственного исторического архива (4 дела), десяти фондов Национального архива Республики Калмыкия (26 дел) и одного фонда Государственного архива Астраханской области (3 дела), подавляющее большинство которых вводится в научный оборот впервые.

Большое количество фактического материала содержат описания, наблюдения и заметки, заключающиеся в воспоминаниях, заметках, статьях современников и результатах исследовательских экспедиций в Калмыцкую степь, организованных Академией наук в конце XVIII – начале XIX вв.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в обосновании на основе цивилизационно-культурного подхода концепции развития институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв., что позволило расширить область историко-правовых знаний об истоках и тенденциях развития российской государственности и права.

Впервые на широком историческом фоне с использованием социокультурного подхода показано развитие традиционных институтов публичной власти калмыцкого кочевого общества и трансформация некоторых из них в государственные институты, степень их вовлеченности в общероссийскую институционально-государственную систему. Научно обосновано, что Калмыцкое ханство, существовавшее в XVII – XVIII вв., в своей основе имело культурные традиции общемонгольского и ойратского типа, определившие состояние существовавших в нем институтов публичной власти. При этом одни институты публичной власти сохранялись, а другие

видоизменялись или заменялись российскими институтами государственной власти.

Учитывая тесные связи калмыков-буддистов с Тибетом, в диссертации предлагается считать временем образования Калмыцкого ханства признание Далай-ламой V в 1647 г. калмыцким ханом Дайчина. Другие ойратские правители Джунгарии также признали Дайчина ханом.

В диссертации обозначена роль культурных традиций калмыков и предназначение буддийского фактора в истории становления и развития их институтов публичной власти, государственность у калмыков формировалась в целях сохранения и защиты их национально-культурной самобытности в окружении соседних народов.

На основе анализа комплекса источников и научной литературы представлена авторская периодизация историко-правового развития Калмыкии в XVII – начале XX вв., в градацию которой положены институциональные изменения в системе органов публичной власти, переход от традиционных институтов публичной власти калмыцкого общества к институтам государственным, степень интегрированности калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему.

Определен уровень широкой самостоятельности институтов публичной власти у калмыков в период ханства как во внутренней политике, так и в дипломатических связях с другими государствами: Турцией, Джунгарией и Китаем. В то же время Калмыцкое ханство ответственно выполняло договорные обязательства перед Россией в борьбе с ее внешними врагами. Установлено, что со второй четверти XVIII в. начинается постепенное ограничение автономности Калмыцкого ханства, что, наряду с причинами цивилизационно-культурного характера, привело к исходу большинства калмыков в 1771 г. из России в Джунгарию.

Доказано устойчивое действие в жизни калмыцкого общества традиционных институтов публичной власти (нойоны и зайсанги, Лама калмыцкого народа, суд Зарго). Калмыки как представители кочевой цивилизации оказались приверженцами традиционного уклада жизни. В то же время к середине XIX в. в Калмыцкой степи была утверждена система попечительства и созданы новые институты власти (Управление калмыцким народом и улусные управления), интегрированные в административную систему Российской империи, также в общеимперскую систему были включены органы местного самоуправления (улусные, аймачные и хотонные сходы).

В диссертационной работе охарактеризован процесс правогенеза у калмыков, истоками которого явились нормы обычного права, продолженные изданными нормами права. На правовые нормы калмыков, кроме национальных традиций, оказал влияние буддизм. Эти национальные правовые акты продолжали действовать в калмыцком обществе до 1917 г.

Положения, выносимые на защиту

1) Установлено, что калмыцкое общество в XVII – начале XX вв. с его публично-властными институтами относилось к кочевой цивилизации монголо-ойратского типа. Помимо общепризнанных отличий кочевых обществ от оседлых цивилизаций, монголо-ойратская кочевая цивилизация, к которой принадлежали калмыки, имела сходные со всеми монгольскими этническими группами традиционные институты публичной власти и общественного устройства, а также обладала ранним опытом государственности и правотворческими традициями. Цивилизационно-культурную картину калмыцкого общества дополняло буддийское духовно-нравственное мировоззрение калмыков, наряду с другими традициями культуры, оно явилось основой формирования институтов публичной власти, которые калмыки принесли в пределы России из Джунгарии.

По определению диссертанта, обратный переход калмыков в Центральную Азию в 1771 г. в значительной степени явился результатом влияния цивилизационно-культурных факторов. Это: устойчивая самоидентификация калмыков как части ойратского общества, преувеличенные представления о возможности восстановления ойратской государственности в Центральной Азии после падения Джунгарского ханства, попытка отойти от социальных реалий и вернуться к традиционному образу жизни.

2) Предложена авторская периодизация становления и развития институтов публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв., основанная на степени вовлеченности калмыцких институтов публичной власти в общероссийскую систему управления и на уровне интегрированности традиционных институтов публичной власти в государственные. Можно выделить четыре периода: доханский период, период Калмыцкого ханства, период трансформации институтов публичной власти калмыцкого общества в конце XVIII – первой половине XIX вв., период интеграции калмыцкого общества в общероссийскую систему управления при сохранении ряда традиционных институтов во второй половине XIX – начале XX вв.

Доказано, что в первом периоде (начало XVII–1647 г.), когда калмыки начали заселять приволжские степи, существовали традиционные институты публичной власти. Калмыки пришли в Поволжье, объединенные в улусы – крупные племенные объединения, возглавляемые нойонами (князьями). Улусы делились на аймаки, управляемые зайсангами. Содержанием второго периода (1647–1771 гг.) являлась деятельность институтов публичной власти в условиях существования Калмыцкого ханства: российская администрация здесь действовала опосредованно, через хана и высшую знать. При этом традиционные институты публичной власти функционируют вместе с государственными институтами ханства. Третий период (1771–1847 гг.) характеризуется при наличии традиционных институтов публичной власти созданием новых органов управления, интегрированных в российскую административную структуру в рамках системы попечительства, а также становлением органов местного самоуправления. Происходит взаимодействие традиционных институтов публичной власти и институтов государственной власти Российской империи. Установлено, что в четвертом периоде (1847–1917 гг.) происходил процесс дальнейшей интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственно-правовую систему при сохранении некоторых традиционных институтов. Определены ключевые события этого периода, оказавшие известное влияние на деятельность институтов публичной власти в регионе: отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов в 1892 г. и освобождение нойонов и зайсангов от управления, передача управления калмыками из ведомства государственных имуществ в Министерство внутренних дел, укрупнение аймаков и хотонов в 1910 г.

3) В Калмыцком ханстве существовало большое количество сословных групп (не менее 10), имевших различный правовой статус. Их состав и положение практически не изменялись за все время существования Калмыцкого ханства, лишь произошло фактическое отмирание сословия тайшей как представителей крупной знати в связи со становлением и развитием института централизованной ханской власти. Также в калмыцком обществе сложилась новая сословная группа в лице буддийского духовенства, имевшая свои права и существенные привилегии. Установлено, что после упразднения Калмыцкого ханства в ходе интеграции институтов публичной власти калмыцкого общества в российскую административно-политическую систему произошло слияние около десятка зависимых сословий в два: албату (простолюдины) и шабинеры (простолюдины, приписанные к буддийским монастырям).

4) Традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе состояли из общекалмыцких и улусных органов власти: институт ханской власти, институты нойонов и зайсангов, советы знати при хане и при нойонах-улусовладельцах. При этом важнейшим традиционным институтом в Калмыцком ханстве был суд Зарго, особый судебный, административный и совещательный орган. Также суды Зарго существовали в каждом улусе при их владельцах. Традиционные институты нойонов и зайсангов в ханский период трансформировались в государственные институты.

В диссертационном исследовании выявлен новый институт Ламы калмыцкого народа (Шаджин-ламы), сложившийся в XVII в. в рамках конфессиональных отношений со штатом служителей из числа приближенных иерархов буддийской церкви с подведомственной ему структурой буддийских священнослужителей и монастырей. Роль института Шаджин-ламы была многофункциональной: руководство сетью монастырей, вопросы аттестации священнослужителей, контроль за спектром вероучения и монашеской жизни, духовно-нравственные наставления мирянам и судопроизводство по брачно-семейным вопросам. В XVII в. сложился еще один институт публичной власти – институт бодокчеев (посредников) в связи с необходимостью урегулирования сложных, порой конфликтных, взаимоотношений калмыков с соседями. Возникновение института бодокчеев было вызвано различиями в правовом регулировании имущественных и уголовно-правовых отношений у калмыцкого и русского населения. Институт бодокчеев, ранее назначавшихся, а со второй половины XIX в. избиравшихся на улусных сходах, просуществовал в калмыцких улусах до 1917 г.

5) Судостроительство и судопроизводство у калмыков, по определению автора диссертационного исследования, пережило значительную эволюцию – от Зарго с широкими административно-судебными полномочиями в Калмыцком ханстве до улусных Зарго в XIX в., рассматривавших гражданские дела с небольшой суммой иска (до 30 руб.) и дела об опеке. Остальные уголовные и гражданские дела были переданы российским судебным органам, которые также являлись апелляционной инстанцией для дел, рассматриваемых в улусных Зарго. Определено, что судопроизводство в регионе на всем протяжении исследуемого периода основывалось на нормах калмыцкого права и обычаях.

6) В диссертационной работе доказано, что в калмыцком обществе господствовало свое традиционное право, существенно отличавшееся от действовавшего российского законодательства, но эффективно

регулировавшее общественные отношения в Калмыцкой степи. Его цивилизационно-культурные основания берут свое начало в древнейших нормах монгольских племен со времен Монгольской империи Чингис-хана. Великая Яса и народные обычаи послужили источниками Великого Уложения 1640 г., которое позже, в 1740-е годы, было дополнено законами калмыцкого хана Дондук-Даши. Несмотря на прекращение разработки калмыцких норм права в первой половине XIX в. (последним принятым на собрании калмыцкой знати и духовенства актом, но не утвержденным российской администрацией, являлись «Зинзилинские постановления» 1822 г.), повседневная жизнь и практика деятельности улусных Зарго продолжали регулироваться нормами национального права и обычаями.

7) В середине XVII в. произошло становление Калмыцкого ханства, когда окончательно сформировались его центральные и местные органы управления, произошло распределение кочевий, установились отношения центра с отдельными частями ханства, а также самого Калмыцкого ханства с Российским государством. Учитывая цивилизационно-культурную изолированность калмыцкого общества от соседних народов, его генетическое и конфессиональное единство с ойратами и Тибетом, отправной точкой отсчета ханства, по мнению диссертанта, следует считать 1647 г., когда первым калмыцким ханом стал Дайчин, получивший признание таковым у большинства представителей ойратской знати и буддийского духовенства в Джунгарии и Тибете и принявший титул хана от Далай-ламы V, так как особая роль в определении статуса ханства принадлежала главе буддизма. Калмыцкое ханство как публично-правовая форма имело под собой не только традиционную, но и конфессиональную основу. Параллельно титул калмыцкого хана был признан также соседними государствами.

8) В диссертационном исследовании показано, что административно-территориальное устройство калмыцкого общества представляло собой традиционное для кочевых монгольских народов деление: улусы (владение нойона), аймаки (владение зайсанга) и хотоны, управлявшиеся влиятельными простолюдинами, реже зайсангами. Нередко крупные племенные объединения торгоутов и дербетов имели традиционное с общемонгольских времен триадное деление на правый и левый фланги и центр. Улусы могли иметь традиционное деление на больших и малых. Основой такого административно-территориального деления являлось этническое и кровнородственное единство.

9) После ликвидации Калмыцкого ханства с конца XVIII в. и в первой трети XIX вв. происходила трансформация управления калмыцкими улусами. Попытка восстановления Калмыцкого ханства на непродолжительный период (1800–1803 гг.) оказалась неэффективной. Установлено, что в определении правового статуса калмыцких кочевий в конце XVIII – XIX вв. большую роль сыграли законодательные акты российского государства. Актами Российской империи была официально установлена территория калмыцких кочевий, которая сильно сократилась по сравнению с территорией Калмыцкого ханства. В 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа», которые положили начало введению калмыков в общероссийскую систему власти.

10) Становление системы протекционизма (попечительства) в Калмыкии в середине XIX в. было направлено на унификацию институтов публичной власти в калмыцком обществе по примеру российских институтов управления государственными крестьянами. Доказано, что «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. положило начало этому процессу, а «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. завершило становление системы попечительства. Это Положение 1847 г. утвердило порядок управления калмыцкими улусами, закрепило элементы местного самоуправления и возложило на калмыцкое управление решение ряда попечительских задач.

11) Установлено, что проведение либеральных реформ в России во второй половине XIX в. не затронуло калмыцкое общество в силу господства в нем ряда традиционных институтов и нерешенности базовых вопросов, в том числе отмены личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов. Во второй половине XIX в. для калмыков разрабатывались проекты нового судебного устройства, но они не были приняты в силу доминирования в обществе институтов национального судоустройства и судопроизводства.

12) Определено место реформы 1892 г., отменившей личную зависимость калмыков-простолюдинов (албату) от нойонов и зайсангов, в дальнейшем развитии институтов публичной власти в калмыцком обществе. Реформа не только способствовала социально-экономическим сдвигам (подъему хозяйства рядовых кочевников, их социальному расслоению, мобилизации рабочей силы и разрушению прежней замкнутости калмыцкой родовой общины), но и повлекла за собой некоторые изменения в административной системе Калмыкии.

На протяжении конца XIX – начала XX вв. производились попытки реализовать основную цель реформы 1892 г. – преобразование

административного, общественного и поземельного устройства калмыков-кочевников по примеру оседлого крестьянского населения. Однако этим планам не суждено было реализоваться ввиду устойчивости цивилизационно-культурных черт калмыцкого общества. Показано, что в конечном итоге устаревшая система попечительского управления у калмыков была сохранена и административные преобразования в калмыцких улусах завершились передачей управления калмыками Астраханской и Ставропольской губерний из ведения Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение Министерства внутренних дел в 1902 г. и укрупнением измелъчившихся аймаков и хотонов в 1910 г., в результате которого аймачные старшины и хотонные старосты по статусу были уравнены в правах и полномочиях с должностными лицами в русской деревне (волостные старшины и сельские старосты).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработанные соискателем концептуальные основы изучения становления и развития институтов публичной власти существенно обогащают историко-правовую науку как в части определения особенностей развития традиционных институтов публичной власти калмыцкого общества в виде кочевой цивилизации, так и в плане идентификации общего цивилизационного пути развития России, вбирающей в себя правовые традиции и опыт государственного развития многих населяющих ее народов.

Содержание исследования и привлеченные новые сведения позволят дополнить научные представления об институтах публичной власти кочевой цивилизации монголо-ойратского типа и их роли в Российском государстве. Содержащийся в исследовании фактический материал, проведенный диссертантом анализ и сделанные выводы могут быть использованы в ходе разработки как отдельных актуальных проблем истории государственно-правового развития кочевых народов, так и обобщающих работ по истории государства и права России.

Практическая значимость исследования. Имеющиеся в диссертации положения и выводы могут быть использованы для осмысления стратегии и тактики преобразований в современных условиях развития российской государственности. Материалы диссертации можно использовать в дальнейшей разработке теоретических и практических проблем развития органов публичной власти Республики Калмыкия, при подготовке реформ в области управления и федеративных отношений.

Материалы предпринятого исследования могут стать основой для написания учебных и научных работ. Кроме того, содержащиеся в диссертации обобщения, предложения и выводы могут использоваться при чтении лекционных курсов в высших учебных заведениях, при повышении квалификации государственных и муниципальных служащих Республики Калмыкия.

Апробация работы. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре публичной политики и истории государства и права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Основные положения диссертации представлены статьями в журналах из списка ВАК, Scopus, Web of Science, в докладах и сообщениях на конференциях в период с 2004 по 2023 гг.: Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Молодежь и наука: третье тысячелетие» (Элиста, 30 ноября 2004 г.); Всероссийская научная конференция «Калмыкия – субъект Российской Федерации: история и современность» (Элиста, 6–7 октября 2005 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе» (Элиста, 12–13 января 2007 г.); IV региональная научно-практическая конференция «Экономическое, правовое и социальное развитие регионов: этапы становления, взаимосвязи, современное положение и перспективы» (Элиста, 26–27 мая 2008 г.); Республиканская научно-практическая конференция «Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия», Элиста, 20 декабря 2008 г., 19 декабря 2009 г., 19 декабря 2010 г., 9 декабря 2011 г.); Региональная научная конференция «Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России» (Элиста, 22–24 апреля 2010 г.); VI межрегиональная научно-практическая конференция «Модернизация и перспективы развития современного общества: социально-экономические и историко-правовые проблемы» (Элиста, 22 апреля 2011 г.); Международная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики» (Элиста, 10–13 ноября 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Интересы в праве» (Москва, РУДН, 25–26 марта 2016 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Тенденции развития права в социокультурном пространстве» (Москва, РУДН, 24–25 марта 2017 г.); I Международная научная конференция «Право – явление цивилизации и культуры» (Москва,

РУДН, 30–31 марта 2018 г.); II Международная научная конференция «Право – явление цивилизации и культуры» (Москва, РУДН, 29–30 марта 2019 г.); Международный круглый стол «Методология историко-правовых исследований», посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося ученого-правоведа Олега Андреевича Жидкова (Москва, РУДН, 26 марта 2021 г.); III Международный историко-правовой конгресс «Правовые традиции становления Российской государственности» (к 300-летию провозглашения Российской империи) (Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 12 мая 2021 г.); XI Международная научная конференция «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций» (Ростов-на-Дону, 25 мая 2022 г.); Второй Всероссийский форум историков права «Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений» (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Шапсуговские чтения», к 80-летию Д.Ю. Шапсугова (Ростов-на-Дону, 17 октября 2023 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 4 глав, объединивших 12 параграфов, заключения и списка источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования; установлена степень ее разработанности в научной литературе; определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, его методологическая и теоретическая основы, источниковая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, хронологические и территориальные рамки исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические основы ретроспективного исследования институтов публичной власти в калмыцком обществе» содержит три параграфа.

Параграф 1.1. «Историография и источники, отражающие становление и развитие системы публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв.» посвящен анализу научной литературы и источников по теме исследования.

Более чем двухвековой опыт изучения проблем развития калмыцкого общества и государственности в составе России показал, что исследователи на

разных этапах отмечали их своеобразие. Большинство дореволюционных авторов, среди которых были как чиновники российской администрации, так и представители научно-образовательной интеллигенции, обращали внимание на различные стороны калмыцкой кочевой жизни, системы управления, быта и менталитета народа. Будучи современниками тех событий, они внесли весомый вклад в дело сбора и накопления материалов по истории традиционных институтов публичной власти в калмыцком обществе, об особенностях судеустройства и применения норм обычного права калмыков.

Советский период историографии изучаемой проблемы характеризуется утверждением единой марксистско-ленинской схемы политогенеза и государствогенеза у народов России, в связи с чем анализ своеобразия государственно-правового развития этих народов был отодвинут на второй план. Особенность этого периода историографии выражается в появлении обобщающих трудов по истории и этнографии Калмыкии. Специальные же работы, посвященные изучаемой проблеме, стали издаваться лишь в 70-е годы прошлого века в виде отдельных статей.

Современная историко-правовая и историческая наука рассматривает институты публичной власти в калмыцком обществе с точки зрения новых методологических подходов. Наряду с социально-экономическими и политическими, признается влияние цивилизационно-культурных факторов на общественные отношения у калмыков. В большей степени это относится к исследованиям в таких научных областях, как история и этнография, тогда как в историко-правовой науке региона этот подход до настоящего времени не получил развития. Впервые проводится комплексное историко-правовое исследование становления, развития и функционирования публично-правовых институтов в калмыцком кочевом обществе в XVII – начале XX вв.

Становление, развитие и функционирование институтов публичной власти в калмыцком дореволюционном обществе исследуется на широкой источниковой базе. Источниками в изучении институтов публичной власти в Калмыкии дореволюционного периода стали как законодательные акты Российского государства, так и нормативные правовые акты ойрат-монгольского сообщества и Калмыцкого ханства. Если последние устанавливали в период перехода калмыков из Центральной Азии в Россию и существования Калмыцкого ханства традиционную для калмыков-кочевников систему управления и права, то после ликвидации ханства была создана схема постепенной интеграции региона в административно-правовую систему России на основе сочетания традиционных калмыцких институтов с

общероссийской структурой управления. Документы калмыцкого законодательства были переведены и опубликованы дореволюционными исследователями в научных трудах, законы Российского государства изданы в Полном собрании законов.

К числу основных источников по изучаемой проблеме относятся делопроизводственные материалы, преимущественно архивные, хранящиеся в центральных и региональных архивах Российской Федерации. Непреходящую источниковую ценность имеют многочисленные заметки, наблюдения и описания событий калмыцкой жизни в работах современников. Большой объем сведений о калмыках и Калмыкии содержится в материалах академических исследовательских экспедиций в калмыцкие степи в XVIII в. и в опубликованных результатах комплексных обследований, организованных министерствами и ведомствами в XIX – начале XX века. Многие экспедиции в Калмыкию были обусловлены практическими целями укрепления Российского государства и расширения его границ и влияния. Калмыкия, особенно в XVII – XVIII вв., в этом смысле являлась основой российского преобладания в Нижнем Поволжье, Северном Прикаспии, Предкавказье и Причерноморье. Другие – были вызваны потребностью страны в колонизации окраинных территорий. Третьи экспедиции обусловлены развитием научной и общественной мысли: калмыки в этом понимании являлись уникальным народом России со своим образом жизни, буддийским мировоззрением, солидной историей государственности и законодательной традиции, антропологической принадлежностью, языком, национальной письменностью и всеми элементами письменной культуры.

Безусловно, в исследовании историко-правовых проблем Калмыкии дореволюционного периода важное место занимают труды отечественных и зарубежных правоведов, историков, культурологов и философов. Концепции, факты, методологические и методические идеи, опубликованные в их работах, оказали существенную помощь в реализации поставленных целей и задач.

Параграф 1.2. «Теоретические подходы к исследованию становления и развития институтов публичной власти» посвящен исследованию теоретико-методологических подходов к изучению проблемы.

Обобщая мнения ученых, следует исходить из формулы посыла, что публичная власть – это вид социальной власти, возникающий в территориально-обособленном сообществе для удовлетворения общественных интересов. Публичная власть производна от общества и имеет институциональный характер, призвана обеспечить упорядоченность

общественных отношений. Публичная власть обеспечивает консолидацию общества, поддерживает его устойчивость и целостность. Кроме того, важнейшей функцией власти является функция управления, которая свойственна ей в любой исторический период. Помимо этого публичная власть призвана создавать правила поведения для членов общества.

Калмыки, пришедшие в Нижнее Поволжье, будучи яркими представителями кочевой цивилизации, обладали своей спецификой в общественной и государственной организации и развивались по собственному цивилизационно-культурному пути. При этом калмыки уже имели свои традиционные институты публичной власти, которые были привнесены в пределы Российского государства. Наличие самостоятельного центрального и местного управления в виде сложившейся традиционной структуры с общемонгольских времен, национальной системы правовых норм, военной десятичной структуры общества, свойственной монгольским народам и обеспечивавшей успешную реализацию властных решений, мобильного войска, являвшегося гарантом российского преобладания в сложном регионе от заволжских степей до Черного моря, самостоятельной буддийской церкви со своей иерархией духовных лиц, монастырями и молельнями, развитых институтов калмыцкой культуры (языка, письменности, научных знаний, летописания и литературы, школы и др.), уникального быта и менталитета – все это обеспечило калмыкам образование и существование Калмыцкого ханства в Российском многонациональном государстве. Правители Калмыцкого ханства обладали самостоятельностью в управлении внутренними делами и сохраняли определенную свободу внешних сношений, если таковая не противоречила интересам России. Российское правительство признавало данный своеобразный статус Калмыцкого ханства. Как только мироустройство калмыков пришло в несоответствие с общероссийскими тенденциями развития государственности периода просвещенного абсолютизма, их подавляющее большинство ушло в 1771 г. из России назад в Центральную Азию, в свой «кочевой мир».

Кочевая цивилизация – это особый мир, существенно отличавшийся от оседлых цивилизаций. Рассматривая кочевое общество, большинство исследований, независимо от их методологической направленности, единодушны в том, что для кочевого общества не характерна высокая степень специализации и структурной дифференциации социально-экономического строя, что не дает им возможности конкурировать по темпам технологического развития с индустриальными обществами. В то время как

ряд исследователей подчеркивают самобытную природу кочевничества и невозможность описания его терминами, полученными на материале эволюции оседлых земледельческих обществ, другие ученые пытаются вписать номадов в общую картину всемирного исторического процесса. Все социальные конфликты между кочевниками разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней социальной и политической устойчивости. Военное и политическое давление на кочевников могло способствовать их откочевке на другие территории.

Калмыцкое кочевое общество имело собственные институты публичной власти. При этом Калмыцкое ханство основывалось на племенном единстве и традиционном укладе жизни. Калмыцкое общество XVII в. было кочевым и нуждалось в продукции оседлых цивилизаций. Прикочевав в пределы России, калмыки оказались соседями оседлой цивилизации, так необходимой кочевому обществу для дальнейшего поступательного развития. Именно на территории Российского государства калмыцкое кочевое общество получило новый импульс развития при сохранении традиционного уклада жизни.

В параграфе 1.3. «Формирование цивилизационно-культурного пространства Калмыкии» исследуется вопрос о калмыцком обществе как особом цивилизационно-культурном пространстве в составе России.

Калмыки являются потомками монголоязычных ойратов, часть которых в конце XVI – начале XVII в. совершила переход из Центральной Азии на юг Европейской России, где и обрели новую Родину в степях Северного Прикаспия и Предкавказья. На этой территории было создано автономное Калмыцкое ханство, просуществовавшее с середины XVII в. до 1771 г. Причины создания, как и последующего развития ханства, имели цивилизационно-культурную основу, поскольку именно собственная государственность обеспечивала калмыкам защиту и сохранение национальной идентичности.

Изучение конкретного исторического материала показало, что калмыцкое общество в XVII – начале XX вв. представляло собой традиционное кочевое общество. В конце XVI в. ойратское общество переживало кризис, вызванный территориальными потерями и военными неудачами. Поэтому в начале XVII в. ойратские племена торгоутов и дербетов начали переселяться на территорию Южной Сибири и вступили в контакт с российскими властями. В первой половине XVII в. торгоуты, дербеты и часть хошоутов постепенно откочевали в Поволжье и их главные князья подписали шерты, по которым калмыки принимали российское подданство, обязывались

посылать войска на помощь русской армии, калмыцким тайшам назначалось жалованье. При этом калмыкам разрешалось беспошлинно торговать в российских городах, свободно пользоваться выделенными землями.

На территории России калмыки с традиционным укладом жизни и полным набором уникальных антропологических, языковых, конфессиональных и других цивилизационно-культурных черт оказались в совершенно ином цивилизационном окружении. Это позволило некоторым дореволюционным исследователям считать данное обстоятельство признаком отсталости калмыков по сравнению с населением соседних территорий. В действительности уникальность калмыцкого этноса послужила одной из основных причин формирования национальной государственности как средства защиты своей национальной идентичности. Российская империя как многонациональное государство формировалась путем включения в российское пространство народов, обладавших иной цивилизационной и социокультурной спецификой, в том числе своей государственно-правовой традицией.

В составе Российского государства калмыки при сохранении традиционного многовекового уклада жизни внесли значительный вклад в развитие кочевой цивилизации монголо-ойратского типа: взамен прежних грабительских войн были созданы условия для взаимовыгодных торговых отношений с соседями, получило дальнейшее развитие национальное законодательство (Великое Уложение 1640 года, дополнения к ним хана Дондук-Даши), сложилась упорядоченная организация буддийской церкви с традиционными связями с Тибетом, войско Калмыцкого ханства стало надежной основой российского преобладания от Каспийского моря до Черного и в Предкавказье.

Вместе с развитием традиционных институтов публичной власти (институты ханской власти, институты нойонов, зайсангов, советы и собрания знати, институт Ламы калмыцкого народа), в Калмыцком ханстве был создан аппарат управления. После ликвидации ханства в условиях интеграции региона в общероссийскую административную систему продолжали действовать институты нойонов и зайсангов, их собрания, институты Зарго и бодокчеев, деятельность Ламы калмыцкого народа стала более регламентированной и в определенной степени была подчинена Управлению калмыцким народом. Наряду с этим были созданы российские органы областного и улусных управлений, а также органы местного самоуправления в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, вполне созвучных

коллективизму и родовым традициям кочевников. В этот период в условиях усиленной интеграции региона в общероссийскую общественно-экономическую и политико-правовую систему калмыцкое общество продолжало сохранять традиционный уклад и национально-культурную идентичность.

К числу нравственных качеств калмыков российская администрация относила их честность, верность договоренностям, уважение к старости, призрение вдов и сирот, отсутствие враждебных чувств к людям, готовность помогать бедным, уважение к духовным лицам и представителям власти, законопослушание. Эти качества, безусловно, явились следствием коллективизма, выработанного калмыками, как и многими евразийскими народами. Отсюда – безусловная ценность равенства и справедливости в калмыцком правосознании, отложившихся в обычаях и культуре народа.

На нравственный облик калмыков большое влияние оказал буддизм, в соответствии с которым для буддиста характерна удовлетворенность имеющимися материальными и духовными ценностями. Все вышеуказанные так и ряд других обстоятельств способствовали устойчивости норм обычного права у калмыков, как и у многих кочевых народов.

В культурном отношении калмыцкое общество представляло собой носителя другой культуры с собственными социальными институтами и ценностями: языком, своей письменностью, национальной литературой и фольклором, системой буддийского образования, религией. Лишь с середины XIX в. калмыцкое общество стало включаться в систему российского образования и в силу необходимости коммуникаций с другими народами России приступило к изучению русского языка.

Калмыкия в период существования ханства являлась самостоятельным цивилизационно-культурным пространством с определенным набором составлявших его структурных элементов: государственность с традиционными институтами публичной власти; право, основанное на традициях и нормах калмыцких законов и общепринятых в монгольском мире норм; кочевая экономика; коллективное и традиционное землепользование; социальные отношения, регулировавшиеся как обычным правом, так и письменными правовыми актами; традиционная система морально-нравственных ценностей, базировавшаяся на реалиях кочевой жизни, добуддийских и буддийской религиозных верованиях; старописьменная культура и др.

После ухода большей части калмыков в Джунгарию и ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. оставшиеся в России калмыцкие улусы были включены в конце XVIII – начале XX вв. в состав Астраханской и Ставропольской губерний. К середине XIX в. сложились новые институты публичной власти в калмыцком обществе. Калмыкия в XVII – начале XX вв. представляла собой особое цивилизационно-культурное пространство в составе России, и даже на этапе усиленной интеграции региона в общероссийскую общественно-экономическую систему калмыцкое общество сохраняло традиционный уклад и национально-культурную самостоятельность.

Вторая глава «Социальные отношения и публичная власть у калмыков (XVII – XVIII вв.)» содержит четыре параграфа.

В параграфе 2.1. «Правовой статус социальных групп в калмыцком обществе в XVII – XVIII вв.» характеризуется правовое положение калмыцкого населения.

Население Калмыцкого ханства делилось на три большие этнические группы: торгоутов, дербетов и хошоутов, что нашло отражение в административно-территориальном делении. В социальной структуре калмыцкого общества отчетливо выделялись две основные группы населения – господствующая группа владельцев улусов и зависимые от них простолюдины.

Нойоны и зайсанги представляли привилегированное сословие Калмыцкого ханства, так называемую «белую кость» (цаган ясн). Нойоны владели улусами – крупными объединениями населения. Улусы могли отличаться по размерам и количеству входящих в него кибиток (семей) с принадлежащими им скотом и имуществом. Звание нойона было наследственным. Власть нойонов над принадлежащими им улусами была формально регламентирована правом и традициями. За нойонами в структуре общественной иерархии калмыков располагались зайсанги, которые управляли аймаками, административно-территориальными единицами улусов. Статус зайсанга чаще всего был наследственным, но в редких случаях мог быть и приобретенным. При этом нойон мог лишиться звания зайсанга.

Тайши – правители крупных этнополитических объединений, с конца XVIII в. у оставшихся в России калмыков уже не наблюдаются. В целом роль тайшей стала падать еще раньше в связи с централизацией ханской власти в Калмыцком ханстве.

Определенными привилегиями было наделено буддийское духовенство, которое освобождалось от налогов, воинского призыва и других обязанностей. Буддийские монастыри имели во владении людей и скот в довольно большом количестве, а также получали от населения различные подношения и подарки.

Низшие слои населения Калмыцкого ханства состояли из различных сословных групп (не менее 8). Их относили к «черной кости» (хар ясн). Основную массу подвластного населения Калмыцкого ханства составляли албату, которые вели свое самостоятельное хозяйство, а также платили подати (албан) и исполняли разные повинности в пользу своих зайсангов и нойонов и всего ханства. Албату находились в личной зависимости от своего нойона.

Шабинеры составляли довольно большую группу зависимого населения Калмыцкого ханства. В их число входили люди, отданные ханом или нойонами буддийским монастырям (хурулам), высшим священнослужителям, которые обладали правами владения для обслуживания хозяйственных и бытовых нужд хурула или завещанные Далай-ламе. Шабинеры состояли из представителей разных улусов и были объединены в особые аймаки. В составе шабинеров была также часть представителей духовного сословия, которые служили в хуруле.

Такое состояние калмыцкого общества просуществовало до принятия российским правительством «Положения об управлении калмыцким народом» в 1834 г. Данное Положение определило социальную структуру калмыцкого общества: нойоны, родовые зайсанги, духовенство, зависимые простолюдины. Все нойоны и часть зайсангов, получивших чин 8-го класса или офицерские звания, награжденные орденами, были отнесены к потомственным и личным дворянам, аймачные и безаймачные зайсанги получили потомственное и личное почетное гражданство. Калмыки-простолюдины были приравнены к владельческим или государственным крестьянам. При этом калмыкам-простолюдинам разрешалось принимать христианство и переходить в казачье сословие. Столь значительное «упрощение» социальной структуры калмыцкого общества во времена ханства и в послеханский период было связано с централизацией власти в руках хана, падением роли прежних военных походов и в дальнейшем интеграцией региона в российскую административно-политическую структуру. Таким образом, социальная структура калмыцкого общества стала напоминать общероссийскую.

Параграф 2.2. «Традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе в XVII – XVIII вв.» отражает развитие институтов публичной власти в период существования Калмыцкого ханства.

Анализ конкретного материала показал, что в Калмыцком ханстве функционировали традиционные национальные институты публичной власти, многие из которых вели свое начало с периода Монгольской империи. Эти властные институты полностью соответствовали нуждам кочевого общества. Институт ханской власти являлся достаточно разветвленной структурой с широким кругом служителей, исполнявших административные, финансово-хозяйственные и придворные обязанности. При хане функционировал совет, состоявший из приближенных нойонов и зайсангов. В рамках улусов действовал институт нойонов со своим штатом чиновников и кругом ближайших зайсангов, в аймаках – институт зайсангов. Если же центральные органы Калмыцкого ханства тяготели к централизации, ханы стремились к абсолютизации своей власти и независимости в принятии всех решений, то нойоны и зайсанги предпочитали традиционное коллегиальное решение важнейших вопросов.

К центральным органам публичной власти относился традиционный институт суда Зарго – особое судебное-административное учреждение Калмыцкого ханства, которое имело свои подведомственные суды Зарго в улусах. В центральный суд Зарго по назначению хана входили в качестве восьми советников и судей приближенные нойоны, зайсанги и представители буддийского духовенства, в улусных Зарго по назначению нойона – представители духовенства и приближенные зайсанги. Помимо судебных полномочий суд Зарго занимался наряду с ханом распределением зимних и летних кочевий, а также административными вопросами, требующими коллегиального решения.

Конфессиональный институт публичной власти у калмыков – институт Ламы калмыцкого народа (Шаджин-ламы) возник в XVII в. Вначале это было представительство Далай-ламы в Калмыцком ханстве, затем сформировался самостоятельный институт Шаджин-ламы. Назначение Ламы калмыцкого народа Далай-ламой являлось фактом его легитимизации верховным иерархом буддийской церкви. При этом Шаджин-лама был не только главным иерархом калмыцкого духовенства, но и советником хана, одним из объединителей калмыцких субэтнотел на этапе становления Калмыцкого ханства.

Новым органом в калмыцких улусах стал возникший в XVII в. институт бодокчеев, занимавшийся в усложнившихся обстоятельствах калмыцкой

повседневности урегулированием взаимоотношений, как правило, споров, между калмыками и соседним, в основном русским населением. С другой стороны, в российских городах и крупных селах, соседствовавших с калмыцкими кочевьями, были назначены приставы для урегулирования отношений русского населения с калмыками.

Параллельно начала формироваться российская система надзора над Калмыкией. Калмыцкими делами в Москве в XVII в. занимались несколько приказов, пока эти вопросы не централизовал Посольский приказ, с 1718 г. преобразованный в Коллегию иностранных дел. На местном уровне вопросами отношений с Калмыцким ханством занимался астраханский оберкомендант, подчиненный казанскому губернатору, а с 1719 г. калмыцкими делами поручили ведать астраханскому губернатору.

С 1715 г. начал функционировать новый специальный орган по управлению калмыками – Калмыцкие дела под руководством состоящего при калмыцких делах. базировавшийся вначале в ставке Калмыцкого ханства, затем в российских городах Саратове, Царицыне и в Енотаевской крепости, и действовавший до 1771 г. Параллельно в Астрахани при губернском управлении была образована Контора калмыцких и татарских дел, среди прочих обязанностей занимавшаяся рассмотрением спорных вопросов между русским и калмыцким населением.

С назначением своих особых представителей при калмыцких ханах российское правительство стремилось проводить политику постепенного ограничения полномочий калмыцких правителей, в связи с чем деятельность калмыцких традиционных институтов нередко подпадала под контроль указанных представителей.

Также постепенно совершенствовалось административно-территориальное устройство Калмыцкого ханства. Если вначале улусы претерпевали существенные изменения границ и в сущности являлись этнополитическими объединениями под властью крупных нойонов (тайшей), то по мере развития централизации в Калмыцком ханстве эти образования стали его административно-территориальными единицами. Не желавшие признать централизованную власть хана нойоны и зайсанги откочевали в другие, преимущественно казачьи, регионы России или же возвратились обратно в Центральную Азию. После трагического калмыцкого исхода 1771 г. из России оставшееся население (25%) распределилось в 7 улусах, состоявших из аймаков, а последние – из хотонов.

Параграф 2.3. «Судоустройство и судопроизводство в калмыцком обществе» посвящен порядку осуществления правосудия в калмыцком обществе.

Обладая сословными привилегиями, калмыцкая знать (нойоны и зайсанги) была наделена судебными полномочиями, имея для этого специальных чиновников. Система наказаний в монголо-ойратских законах 1640 г. и в последующих их изменениях и дополнениях основывалась в основной массе на штрафах (скотом и иным имуществом), поэтому калмыцкая знать была заинтересована в осуществлении судебных функций, которые приносили бы дополнительный доход. В Калмыцком ханстве хан обладал высшими судебными полномочиями, он утверждал решения общекалмыцкого суда Зарго по наиболее важным делам. Нойоны-владельцы улусов исторически обладали такими же полномочиями в пределах своих территориальных образований, в которых действовали свои улусные суды Зарго. Представители зайсангов, как правило, являлись судьями и советниками в указанных калмыцких судебных органах и занимали важное место в судебной системе ханства. Вместе с тем, нойоны и зайсанги играли ключевую роль в рамках своих улусов и аймаков в осуществлении процесса исполнения судебных решений. В каждом улусе действовал свой суд Зарго. В соответствии с традициями духовенство рассматривало религиозные дела и брачно-семейные дела.

С конца XVIII в по инициативе российских властей происходило постепенное реформирование общекалмыцкого Зарго. Для большей независимости судей их стали назначать от всех улусов, пропорционально населению, представители российской администрации. После ликвидации Калмыцкого ханства суд Зарго был реорганизован и стал состоять из трех судей. При этом решения Зарго являлись совещательными для астраханского губернатора. Таким образом, после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. роль Зарго значительно снизилась.

Суд Зарго в составе восьми судей был воссоздан в 1800 г., когда на недолгое время было восстановлено Калмыцкое ханство (до 1803 г.). Зарго рассматривал дела на основании калмыцких законов и обычаев.

В соответствии с «Правилами для управления калмыцкого народа» 1825 г. была четко определена компетенция Зарго. Суд рассматривал имущественные споры до 400 руб., улусные Зарго – до 200 руб. Иски на сумму более 400 руб. разбирались в Комиссии калмыцких дел. Все уголовные дела рассматривались в российских присутственных местах. Представители

духовенства в Зарго по-прежнему разрешали семейно-брачные и религиозные дела. Имущественные споры Зарго разрешал по «древним калмыцким постановлениям». Решения Зарго могли быть обжалованы в Сенат – высший судебный орган России.

В соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» 1834 г. существенно повысилась роль центрального Зарго как высшей судебной инстанции для калмыков по всем гражданским, семейным и уголовным делам в силу устойчивости национальных судебных традиций. Решения Зарго по-прежнему могли быть обжалованы в Сенат. За астраханским военным губернатором было закреплено право утверждения судебных приговоров по уголовным делам, которые было рекомендовано рассматривать по российскому законодательству. Гражданские, религиозные и семейные дела разбирались Зарго и духовенством на основании «древних калмыцких постановлений».

«Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. полностью ликвидировало общекалмыцкий Зарго, оставив только улусные Зарго. В компетенцию улусных судов входили имущественные споры на сумму до 30 руб., а также мелкие уголовные дела. Имущественные споры между калмыками по-прежнему решались по традиционным калмыцким нормам. Решения улусного Зарго можно было обжаловать в астраханской палате уголовного и гражданского суда. Таким образом, калмыки постепенно вовлекались в орбиту действия общероссийского законодательства и российских судебных учреждений. Правила 1825 г. начали этот процесс, который был завершён Положениями 1834 и 1847 гг.

Порядок проведения следствия, поиск доказательств, осуществление судопроизводства, – все эти действия регулировались калмыцкими традиционными нормами права, которые в описаниях и свидетельствах российских чиновников XIX в. нередко расценивались как архаичный недостаток. Кочевой образ жизни, приверженность к народным традициям и обычаям, особый менталитет калмыков отразились на судебном процессе калмыков. Поэтому система судопроизводства для самих калмыков представлялась вполне приемлемой.

Что касается правовых норм, применявшихся калмыками, то они были основаны на народных традициях и в форме утвержденного закона начали свое развитие с Великой Ясы Чингис-хана – акта, обязательного к исполнению на просторах евразийских степей, в том числе у ойратов, входивших в состав Монгольской империи. Дальнейшее развитие калмыцкого законодательства

продолжилось утверждением на съезде монгольской и ойратской знати в 1640 г. Ики Цаджин Бичиг, известного под разными наименованиями: Цааджин Бичиг, Их Цааз, Степное Уложение, Монголо-ойратские законы, наиболее употребляемым из которых является Великое Уложение 1640 г. Данные законы были основаны на правотворческом опыте монгольских народов и их народных обычаях и применялись калмыками до 1917 г. Нормы Великого Уложения 1640 г. были признаны российским правительством в качестве основного закона в судебной практике калмыков. Этот акт регулировал все внутренние отношения в калмыцком обществе – уголовные, гражданские, процессуальные, семейные и иные.

Джунгарский правитель Галдан Хун-тайджи (Галдан Бошокту-хан) и калмыцкий хан Дондук-Даши утвердили в разное время свои законы, действовавшие в калмыцких улусах, являвшиеся дополнениями к Великому Уложению 1640 г. и усовершенствованные калмыцкое национальное законодательство. Эта законодательная традиция была продолжена в 1822 г.: калмыцкая знать и духовенство собрались на съезд в урочище Зинзили, на котором были приняты новые нормы, призванные дополнить калмыцкое национальное законодательство. Они известны как «зинзилинские постановления». Эти предложенные дополнения учитывали произошедшие к данному времени изменения в калмыцких улусах. Однако зинзилинские постановления не были утверждены российским правительством. На этом национальная законодательная традиция в плане разработки своих калмыцких законов прекратилась, однако нормы калмыцкого законодательства устойчиво действовали в повседневной жизни общества и в практике деятельности улусных судов Зарго и судов буддийского духовенства вплоть до 1917 г.

Параграф 2.4. «Калмыцкое ханство как государственное образование» посвящен изучению процесса образования калмыцкой государственности в составе России.

Формированию калмыцкой государственности способствовал ряд факторов: это и социально-экономические и политические процессы, происходящие в калмыцком обществе, это и планы российских властей использовать калмыцкие войска для охраны южных границ. Кроме того, само калмыцкое общество в Поволжье оказалось в окружении народов, отличавшихся антропологическими, лингвистическими, религиозными и отчасти социально-экономическими характеристиками. В этих условиях создание собственной государственности превращалось в главную

предпосылку выживания калмыцкого этноса, в гарантию защиты калмыцкой идентичности.

Калмыки получили от российского правительства территорию для кочевий, право беспошлинной торговли, а также свое самоуправление. Относительная обособленность калмыцкого общества настоятельно требовала политического объединения в форме ханства в составе России. В калмыцком обществе сложились свои институты публичной власти, действовали общепризнанные монголо-ойратские законы, впоследствии дополненные калмыцким ханом Дондук-Даши, религия, язык и письменность, кочевое хозяйство, собственный менталитет и правовая культура. Все это обеспечило автономное существование калмыков в российской государственной системе.

Российское правительство освободило калмыков от податей и повинностей, а возложило на них несение военной службы. Калмыки обязаны были нести службу на границах, и в случае войны калмыцкие ханы должны были направлять войска по требованию правительства. С момента прихода калмыков в пределы России и до ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. каждый взрослый мужчина, способный носить оружие, становился воином. В случае объявления сбора каждый улус, аймак или хотон должен был выставить определенное количество воинов. Оставшиеся после откочевки в 1771 г. калмыки не могли играть роль значительной военной силы на Северном Кавказе. Калмыки в основном несли кордонную службу. Помимо участия донских калмыков-казаков и полка ставропольских (на Волге) калмыков-казаков два полка астраханских калмыков приняли участие в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии. После Отечественной войны 1812 года к военной службе привлекали в основном калмыков-казаков Области Войска Донского, Оренбургского, Уральского и Терского казачьих войск. По традиции улусы Астраханской губернии в первой половине XIX в. посылали вооруженных и полностью экипированных конных калмыков на кордоны в заволжские степи для охраны территории от набегов киргиз-кайсаков (казахов).

Становление института ханской власти у калмыков, на наш взгляд, проходило традиционным образом в соответствии с теми закономерностями, которые наблюдались в аналогичном процессе у всех кочевых народов в период становления и развития государственности. Однако становление этого института у калмыков отличалось особой стремительностью. Национальная государственность сформировалась в калмыцком обществе за полвека и, что важно подчеркнуть, практически совершенно независимо. Это объясняется

тем, что у калмыков при создании ханства был использован имевшийся исторический опыт прежних государственных образований. В период становления и развития Калмыцкого ханства решающую роль сыграли традиционные институты, свойственные всем монгольским народам: ханская власть, советы знати, нойоны и зайсанги, суды Зарго, административный аппарат, законодательная практика и традиции коллективных собраний и др. К этому добавились новые институты, возникшие уже в XVII в. (институт Ламы калмыцкого народа и институт бодокчеев). К быстрому становлению калмыцкой государственности в составе России в значительной мере подтолкнуло цивилизационно-культурное окружение, в котором оказались калмыки.

Наличие собственных традиционных институтов публичной власти, собственных правовых норм, религии, культуры, языка, уникального быта и менталитета обеспечило калмыкам автономное существование в российском многонациональном обществе.

Глава 3 «Система управления калмыцкими улусами в конце XVIII – XIX вв.» посвящена организации институтов публичной власти в конце XVIII – начале XX в.

В параграфе 3.1. «Правовой статус калмыцких кочевий в конце XVIII – XIX вв.» рассмотрено положение калмыцких улусов после ликвидации Калмыцкого ханства.

После упразднения Калмыцкого ханства оставшиеся на Волге калмыцкие улусы были подчинены астраханскому губернатору как самостоятельные отдельные владения, возглавляемые своими нойонами. Территория калмыцких кочевий сильно сократилась. Это произошло, во-первых, из-за последствий откочёвки в Джунгарию, приведшей к уменьшению численности калмыков и территории их проживания; во-вторых, из-за широкой колонизации. Российская колонизация земель во второй половине XVIII в. охватывала в основном места, находившиеся вблизи водных бассейнов. Маловодные и малопродуктивные земли между Каспием, Волгой, Манычем и Кумой переселенцев не привлекали, и на них по-прежнему продолжали кочевать калмыки.

Несколько правительственных указов, вышедших в первой половине XIX в., положили начало земельному устройству калмыков. Степи между Каспием и землями Войска Донского, от Царицына и Волги до озера Маныч, были закреплены в пользование калмыцкого народа. На отводимых землях калмыкам разрешалось создавать поселения и заниматься различными видами

хозяйства. Указ от 19 мая 1806 г. впервые определил точные границы калмыцких кочевий. Однако на протяжении 1806–1892 гг. земельные потери калмыков составили около 5 млн десятин, или 40 % территории.

Параграф 3.2. «Управление калмыцкими улусами в конце XVIII – первой трети XIX вв.» посвящен исследованию проблем устройства управления у калмыков после ликвидации Калмыцкого ханства.

С упразднением Калмыцкого ханства была ликвидирована и государственность калмыцкого народа. Калмыкия стала составной частью Астраханской губернии и в административном отношении была подчинена астраханскому губернатору. По Указу Екатерины II от 19 октября 1771 г. звание ханов и наместников ханства упразднялось. Все нойоны-владельцы должны были управлять своими улусами самостоятельно, независимо друг от друга и все вместе подчиняться непосредственно астраханскому губернатору. При правителях улусов были назначены приставы из числа российских чиновников. После ликвидации ханства калмыки стали постепенно подчиняться правительственному надзору.

В 1800 г. Указом Павла I Калмыцкое ханство было восстановлено, но после смерти наместника ханства Ч. Тундутова оно было ликвидировано в 1803 г. Калмыцкие улусы были подчинены астраханскому военному губернатору. При этом российское правительство продолжало искать наиболее эффективные меры по управлению калмыцким народом.

10 марта 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа». Управление калмыками было передано из Министерства иностранных дел в ведение Министерства внутренних дел. Для управления калмыками создавались Комиссия калмыцких дел, суд Зарго и улусные суды. Главную роль в управлении калмыцкими улусами стали играть главный пристав калмыцкого народа и частные приставы в улусах. Постепенно калмыки вводились в общероссийскую систему управления. Калмыкия стала особой областью Астраханской губернии. Правила 1825 г. учитывали национальные особенности Калмыкии и устанавливали систему областного и местного управления.

Параграф 3.3. «Установление системы протекционизма (попечительства) в Калмыкии в середине XIX в.» содержит анализ переустройства институтов публичной власти в калмыцком обществе в соответствии с новыми Положениями об управлении калмыцким народом.

Со второй трети XIX в. управление калмыками полностью переходит к российским органам власти. «Положение об управлении калмыцким народом»

1834 г. вводило областное и местное управление. Вместо приставов вводились должности попечителей. Положение 1834 г. закрепило элементы самоуправления, учитывая также некоторые традиционные черты калмыцкого общества. Нойоны на своих собраниях избирали ассессоров в Совет управления и в суд Зарго. Зайсанги также на своем собрании избирали заседателей в Совет управления. Собрание духовенства выбирало членов Ламайского духовного правления. Правом участия в выборах обладали нойоны и зайсанги, а также священнослужители. Срок полномочий всех выборных должностных лиц составлял 3 года.

Улусами управляли нойоны или правители улусов. При этом в улусном управлении главную роль стал играть улусный попечитель. Положение 1834 г. закрепило социальную структуру калмыцкого общества, определив его сословия.

Завершающим актом в установлении системы попечительства можно считать «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 февраля 1847 г. Калмыцкими делами стало ведать Министерство государственных имуществ. Главным попечителем калмыцкого народа был назначен управляющий астраханской палатой государственных имуществ. Для управления калмыками было создано специальное управление, в которое входил депутат от калмыцкого народа, избираемый владельцами и аймачными зайсангами на 3 года. Управление улусами осуществляли улусные управления, в которых главную роль играл улусный попечитель. Положение 1847 г. ввело в калмыцких улусах Астраханской и Ставропольской губерний местное самоуправление в виде улусных, аймачных и хотонных сходо́в, вполне отвечающих традиции коллективизма калмыков-кочевников.

Таким образом, к середине XIX в. осуществился перевод Калмыкии в систему общероссийского государственного управления. Положение 1847 г. возложило на органы управления калмыками решение ряда «попечительских» задач: устройство быта калмыков, создание ветеринарной службы и системы здравоохранения, вопросы школьного образования, организацию социальной помощи населению и общественных работ при чрезвычайных ситуациях и др. В связи с этими и другими обстоятельствами на Калмыцкую степь было распространено действие общероссийских органов власти и управления.

Глава 4 «Институты публичной власти в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX вв.» состоит из двух параграфов.

Параграф 4.1. «Подготовка проектов судебного устройства для калмыков во второй половине XIX – начале XX вв.» посвящен исследованию проектов судебных преобразований в Калмыкии.

Около 50 лет разрабатывались и обсуждались проекты судебного переустройства калмыцких улусов. Необходимо учесть, что устойчивость традиционного уклада жизни калмыков со своими судебно-правовыми элементами не позволяла распространить на них основные принципы российской судебной реформы 1864 г. В результате традиционные институты публичной власти калмыков, дополненные государственными органами управления по «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г., остались без существенных изменений, равно как и их взаимоотношения с центральными и губернскими органами управления. Несмотря на неоднократные попытки преобразования калмыцкой системы судоустройства и судопроизводства с 60-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны, создания ряда комиссий в центре и в регионе и разработки нескольких проектов по данному вопросу, судебная реформа в Калмыцкой степи не состоялась. Судебные полномочия оставались в ведении традиционной системы улусных Зарго, попытки внедрения хотя бы отдельных элементов судебных уставов 1864 г. оказались безрезультатными.

В решении вопроса о судебной реформе на территории Калмыцкой степи следует выделить два противоположных направления. С одной стороны, предполагалось обеспечить постоянство государственного надзора за отправлением правосудия, с другой – ввести мировые судебные установления, предусматривавшие минимальные изменения основных принципов судебной реформы 1864 г. Следует признать, что проекты, разработанные в комиссиях при центральных органах управления, в меньшей степени признавали калмыцкие особенности, в отличие от аналогичных проектов, подготовленных губернскими чиновниками. Тем не менее ни местные, ни министерские проекты не были реализованы. Лишь в 1906 г. судоустройство в Калмыцкой степи было унифицировано: были созданы Зарго во всех улусах, в том числе и в тех трех, в которых ранее самостоятельные суды отсутствовали, а находились в судебной юрисдикции соседних улусных Зарго. Министерство юстиции пыталось в 1910 г. в очередной раз ввести в калмыцких улусах институты мировых судей и судебных следователей, но эти предложения также остались на бумаге из-за устойчивости в калмыцком обществе традиционного судоустройства и судопроизводства.

В параграфе 4.2. «Реформа 1892 г. в Калмыкии и последующая реорганизация управления калмыцким обществом» анализируется изменение системы управления калмыками в период проведения реформы 1892 г. по отмене обязательных отношений между калмыками-простолюдинами и их владельцами.

Отношения между знатью и простолюдинами в калмыцком обществе накануне реформы 1892 г. назывались «обязательными», они были окончательно закреплены еще в Великом Уложении 1640 г. на собрании ойратской знати. Зависимость калмыков-простолюдинов заключалась в обязанности платить денежные сборы своим нойонам. Это право признавалось российским правительством наследственным и нераздельным. Сходство с российским крестьянством было в том, что калмыкам-простолюдинам была свойственна личная зависимость, сословное неравенство, подсудность владельцам, общинный уклад жизни.

16 марта 1892 г. императором подписан Закон «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа». Калмыкам-простолюдинам предоставлялись все личные права, установленные общими законами империи для свободных сельских обывателей. Нойоны теряли свое право взимать с подвластных денежные сборы и получали за это возмещение. Кроме того, нойоны и родовые зайсанги освобождались от управления улусами и аймаками. Улусами стали полностью управлять улусные попечители и их помощники. Аймаками управляли аймачные старшины, избираемые на аймачных сходах. Хотонами по-прежнему управляли хотонные старосты. Вводилось налогообложение всего калмыцкого населения в пользу Российского государства.

23 декабря 1902 г. управление калмыками было передано из Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение земского отдела Министерства внутренних дел. Функции главного попечителя калмыцкого народа были переданы астраханскому губернатору. При канцелярии губернатора было создано Главное управление калмыцким народом.

С 1 января 1910 г. была проведена административная реформа. Было осуществлено укрупнение аймаков и хотонов, должностные лица в которых были приравнены к таковым в российских волостях и селах.

Таким образом, по причине цивилизационно-культурной обособленности калмыков осталась неизменной на протяжении второй половины XIX – начала XX века попечительская система управления

калмыками. Российское правительство оказалось не способным отказаться от системы попечительства, хотя и признавало необходимость проведения реформ на территории калмыцких улусов.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, обосновывающие эволюцию традиционных институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв. На становление и развитие институтов публичной власти в калмыцком обществе оказали влияние цивилизационно-культурные факторы, а также постепенное распространение на калмыков российской системы управления и права.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

1. Монографии

1. Команджаев, Е.А. Эволюция законодательства у калмыков в XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев. – Элиста: Джангр, 2002. – 142 с.

2. Команджаев, Е.А. Органы управления и суда Калмыкии XVIII-XIX вв. / Е.А. Команджаев. – Элиста: Джангр, 2003. – 79 с.

3. Команджаев, Е.А. Административная система Калмыкии в XVIII–XIX вв. / Е.А. Команджаев. – Элиста: Изд-во КГУ, 2009. – 98 с.

4. Команджаев, Е.А., Шапсугов, Д.Ю., Свечникова, Л.Г., Аксенов, И.Ч., Небрятенко, Г.Г. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9: Памятники права калмыков / Е.А. Команджаев, Д.Ю. Шапсугов, Л.Г. Свечникова, И.Ч. Аксенов, Г.Г. Небрятенко. – Ростов-на-Дону; Элиста: Джангр, 2012. – 455 с.

5. Судебная система Калмыкии (1922–2012 гг.): научно-популярное издание к 90-летию судебной системы Республики Калмыкия) / Е.А. Команджаев, И.В. Басангов, Л.Д. Коченкова, Д.О. Самтынов, Д.А. Боваев, Н.М. Араева, Э.Э. Иванова. – Элиста, 2012. – 296 с.

6. Изменения в системе управления Калмыкии в конце XVIII – начале XX в. / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев, М.С. Горяев, В.В. Батыров. – Элиста: Джангар, 2014. – 159 с.

7. Развитие социальных отношений в Калмыкии в XIX – начале XX века / Е.А. Команджаев, В.В. Батыров, М.С. Горяев, А.Н. Команджаев, Н.П. Мацакова. – Элиста: Джангар, 2015. – 168 с.

2. Публикации в изданиях Scopus, Web of Science

8. Komandzhaev, E.A., Komandzhaev, A.N., Goryaev, M.S. The directions of the development of the Kalmyk nomadic economy in late XIX – early XX

centuries / E.A. Komandzhaev, A.N.Komandzhaev, M.S.Goryaev. // Biosciences, Biotechnology Research Asia. – 2015. – Т. 12. – № 3. – С. 2837–2844.

9. Komandzhaev, E.A., Komandzhaev, A.N., Batyrov, V.V. Changes in the social structure of the Kalmyk society in late XIX – early XX centuries / E.A. Komandzhaev, A.N.Komandzhaev, V.V.Batyrov // International Review of Management and Marketing. – 2016. – Т. 6. – № S3. – С. 229–233.

10. Komandzhaev, E.A., Ochir-Garyaeva, I.K. Features of regional management in Russia: historical and legal aspects (on the example of Kalmykia) / E.A. Komandzhaev, I.K. Ochir-Garyaeva // Bylye Gody. – 2017. – № 46 (4). – С. 1305–1314.

11. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н., Мацакова, Н.П. О специфике «обязательных отношений» у калмыков / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев, Н.П. Мацакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22. – № 4. – С. 109–119.

12. Komandzhaev, A.N., Komandzhaev, E.A., Avliev, V.N. Environmental Conditionality of the Kalmyk Nomadic Economy / A.N. Komandzhaev, E.A. Komandzhaev, V.N. Avliev // Journal of History Culture and Art Research. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 113–119.

13. Команджаев, Е.А., Мийманбаева, Ф. Н., Команджаев, А. Н. Правовые основы землевладения и землепользования переселенцев в Семиречье в конце XIX – начале XX в. / Е.А. Команджаев, Ф.Н. Мийманбаева, А.Н. Команджаев // Oriental Studies. – 2019. – Т. 12. – № 5 (45). – С. 771–786.

14. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н. Некоторые черты ментального облика российских калмыков в конце XIX в. (по свидетельству чиновников администрации) / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев // Журнал фронтальных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 3 (23). – С. 48–62.

15. Команджаев, Е.А., Мийманбаева, Ф. Н., Команджаев, А. Н. Система здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в. / Е.А. Команджаев, Ф.Н. Мийманбаева, А.Н. Команджаев // Oriental Studies. – 2021. – Т.14. – № 5. – С. 919–928.

16. Команджаев, Е.А., Сангаджиев, С.В., Команджаев, А.Н. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам). / Е.А. Команджаев, С.В. Сангаджиев, А.Н. Команджаев // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 259–269.

17. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н. Школы в Калмыцкой степи Астраханской губернии во второй половине XIX в. / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев // Монголоведение. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 281–292.

18. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н. «Живем в Калмыцкой степи обыкновенно, как и другие живут». Ики-Хурулов род на рубеже XIX–XX вв. / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев // Монголоведение (Монгол судлал). – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 524–546.

19. Команджаев, А.Н., Команджаев, Е.А., Очиров, Б.В. К истории калмыцкой повседневности: дела и заботы Ики-хурулова Шебенерова рода (вторая половина XIX – начало XX в.). / А.Н. Команджаев, Е.А. Команджаев, Б.В. Очиров // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 963–978.

20. Команджаев, Е.А. Обязательства калмыков и деятельность Зарго в начале XIX в. / Е.А. Команджаев // Монголоведение. – 2023. – Т. 15. – № 3. – С. 332–346.

3. Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций

21. Команджаев, Е.А. Некоторые вопросы гражданского, семейного и наследственного права калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Астрополис (Астраханские политические исследования). – 2005. – № 1. – С. 85–92.

22. Команджаев, Е.А. Система управления калмыцкими улусами в конце XVIII – начале XIX вв. / Е.А. Команджаев // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. – 2005. – С. 28–33.

23. Команджаев, Е.А. Система наказаний в уголовном законодательстве калмыков 2 пол. XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. Спецвыпуск. Гуманитарные науки. – 2006. – №.8 (21). – С. 85–89.

24. Команджаев, Е.А. Об образовании государственности у калмыков / Е.А. Команджаев // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 98–103.

25. Команджаев, Е.А. О причинах образования государственности калмыков во второй половине XVII в. / Е.А. Команджаев // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 5 (69). – С. 210–214.

26. Команджаев, Е.А. Формирование государственности калмыцкого народа в составе России / Е.А. Команджаев // Социология власти. – 2009. – № 4. – С. 170–177.

27. Команджаев, Е.А. Эволюция системы управления в Калмыцком ханстве в конце XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Социология власти. – 2009. – № 6. – С. 198–204.
28. Команджаев, Е.А. Развитие калмыцкой государственности в составе России в XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 1 (22). – С. 72–78.
29. Команджаев, Е.А. Осуществление правосудия у калмыков в XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 3. – С. 92–96.
30. Команджаев, Е.А. Административная система Калмыкии согласно Положению 1847 г. / Е.А. Команджаев // Власть. – 2010. – № 6. – С. 142–145.
31. Команджаев, Е.А. Понятие преступления в калмыцком законодательстве XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 4-2 (64). – С. 161–164.
32. Команджаев, Е.А. Законодательные акты как основа формирования правового сознания калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник КИГИ РАН. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 93–96.
33. Команджаев, Е.А. Правовой статус калмыцкой знати в XIX в. / Е.А. Команджаев // Вестник КИГИ РАН. – 2011. – Т. 4. – № 2 – С. 81–83.
34. Команджаев, Е.А. Осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в. / Е.А. Команджаев // Вестник КИГИ РАН. – 2014. – Т. 7. – № 4. – С. 223–227.
35. Команджаев, Е.А., Батыров, В.В. Усыновление и опека в калмыцком обществе в XIX в. / Е.А. Команджаев, В.В. Батыров // Вестник КИГИ РАН. – 2014. – Т. 7. – № 4. – С. 84–88.
36. Команджаев, Е.А., Горяев, М.С. Изменение численности калмыцкого народа и распределение оставшегося населения калмыцкой степи в начале XVIII в. / Е.А. Команджаев, М.С. Горяев // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 587–588.
37. Команджаев, Е.А. Источники об институтах публичной власти в Калмыкии в XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 9. – С. 42–47.
38. Команджаев, Е.А. Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода / Е.А. Команджаев // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 23. – № 2. – С. 219–243.
39. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н., Амаева, Д.В. Становление системы здравоохранения Калмыкии во второй половине XIX века. / Е.А.

Команджаев, А.Н. Команджаев, Д.В. Амаева // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 4 (52). – С. 16–23.

40. Команджаев, Е.А. Влияние традиционных начал на институты публичной власти в калмыцком обществе в XIX – начале XX в. / Е.А. Команджаев // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 3. – С. 50–54.

41. Команджаев, Е.А. Административно-территориальные изменения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Е.А. Команджаев // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27 – № 3. – С. 626–648.

4. Другие статьи, тезисы докладов и выступлений на научных конференциях

42. Команджаев, Е.А. Становление государственной системы здравоохранения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века. / Е.А. Команджаев // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. науч. тр. – Элиста: КалмГУ, 1998. – С. 88–94.

43. Команджаев, Е.А. Функции калмыцкого Зарго в XVIII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Теегин герл. – 1999. – № 7. – С. 125–128.

44. Команджаев, Е.А. В.М. Бакунин о Зарго и некоторых чертах обычного права у калмыков / Е.А. Команджаев // Теегин герл. – 2000. – № 1. – С. 87–89.

45. Команджаев, Е.А. Развитие законодательства у калмыков / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2004. – №.1. – С. 142–156.

46. Команджаев, Е.А. Ханская власть в Калмыкии XVIII в. / Е.А. Команджаев // Джангар в Евразийском пространстве: матер. Междунар. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ, 2004. – С. 261–263.

47. Команджаев, Е.А. Развитие национальной государственности калмыков в составе России: история и современность / Е.А. Команджаев // Молодежь и наука: третье тысячелетие: матер. Респ. науч.-прак. конф. молодых ученых и специалистов. – Элиста: Мин-во образования РК, Калм. ин-т соц.-эк. и прав. исследований, 2004. – С.133–134.

48. Команджаев, Е.А. Развитие судебных органов Калмыкии в XVIII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Молодежь и наука: третье тысячелетие: матер. Респ. науч.-прак. конф. молодых ученых и специалистов. – Элиста: Мин-во образования РК, Калм. ин-т соц.-эк. и прав. исследований, 2004. – С. 26–31.

49. Команджаев, Е.А. Судебный процесс в Калмыкии в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2004. – № 2. – С. 80–86.

50. Команджаев, Е.А. Монголо-ойратские законы 1640 г. как источник права калмыков XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2005. – № 1. – С.122–130.

51. Команджаев, Е.А. Особенности отдельных институтов гражданского права калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Калмыкия – субъект Российской Федерации: история и современность: матер. Росс. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ, 2005. – С. 258–264.

52. Команджаев, Е.А. Развитие государственности калмыков в составе России / Е.А. Команджаев // Новая правовая мысль. – 2006. – № 3. – С. 65–66.

53. Команджаев, Е.А. Монголо-ойратские законы 1640 г. как источник формирования правового сознания калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 56–60.

54. Команджаев, Е.А. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положению об управлении калмыцким народом 1834 г. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2006. – Вып. № 20. – С. 138–145.

55. Команджаев, Е.А. Система управления калмыцким народом во второй половине XIX в. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2006. – № 2. – С. 75–83.

56. Команджаев, Е.А. К вопросу об образовании государства у калмыков / Е.А. Команджаев // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе: матер. Росс. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ, 2007 – С.193–195.

57. Команджаев, Е.А. Понятие, виды и состав преступления в уголовном праве калмыков 2 пол. XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2007. – №1 (14). – С. 102–107.

58. Команджаев, Е.А. Некоторые вопросы общей части уголовного права калмыков 2 половины XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Востоковедные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. КалмГУ. Вып. 2. – Элиста: КалмГУ, 2007. – С. 40–56.

59. Команджаев, Е.А. Процессуальные нормы калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2007. – № 4. – С. 36–41.

60. Команджаев, Е.А. Институт ханской власти в Калмыцком государстве XVIII в. / Е.А. Команджаев // Экономическое, правовое и социальное развитие регионов: этапы становления, взаимосвязи, современное положение и перспективы: матер. 4-й рег. науч.-прак. конф. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. – С. 78-84.

61. Команджаев, Е.А. Административно-территориальное устройство Калмыцкого ханства и в послеханский период / Е.А. Команджаев // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2008. – № 1(16). – С. 70–73.

62. Команджаев, Е.А. Понятие преступности деяния в уголовном праве калмыков XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – 2008. – № 1. – С. 173–177.

63. Команджаев, Е.А. Обычай как источник монголо-ойратских законов 1640 г. / Е.А. Команджаев // Современные историко-правовые и экономические исследования: сб. науч. тр. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. – С. 52–58.

64. Команджаев, Е.А. Обычаи и законодательные акты как источники формирования правового сознания калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2008. – № 2 (17). – С. 107–113.

65. Команджаев, Е.А. Влияние российского законодательства на правовые нормы калмыков в XVIII –XIX вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2008 – № 6 – С. 24-30.

66. Команджаев, Е.А. Особенности семейного и наследственного права калмыков в XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия: матер. Респ. науч.-прак. конф. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2008. – С. 13–19.

67. Команджаев, Е.А. Калмыцкое право XVII–XVIII вв.: классификация преступлений / Е.А. Команджаев // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. – Элиста: Джангар, 2008. – С. 193–209.

68. Команджаев, Е.А. Организация судебной системы в Калмыцкой степи в XIX в. / Е.А. Команджаев // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в РК: матер. II Респ.

науч.-прак. конф. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009. – С. 25–31.

69. Команджаев, Е.А. Распространение общероссийского законодательства на калмыцкое кочевое общество в XIX в. / Е.А. Команджаев // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в РК: матер. II Респ. науч.-прак. конф. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009. – С. 17–24.

70. Команджаев, Е.А. Законодательство калмыцкого кочевого общества XVIII–XIX вв. в системе российского права / Е.А. Команджаев // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – 2010. – № 2. – С. 166–171.

71. Команджаев, Е.А. Формирование правового сознания калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России : материалы региональной научной конференции, посвященной 40-летию Калмыцкого государственного университета и 70-летию высшего образования в Калмыкии. – Элиста, 2010. – С. 60–63.

72. Команджаев, Е.А. Об общественном строе калмыцкого общества XVII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2010. – № 9. – С. 24–28.

73. Команджаев, Е.А. Источники права в Калмыцком ханстве / Е.А. Команджаев // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия: материалы III Респ. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ. 2011. – С. 5–14.

74. Команджаев, Е.А. Развитие правоохранительных учреждений в Калмыкии в XIX вв. / Е.А. Команджаев // Модернизация и перспективы развития современного общества: социально-экономические и историко-правовые проблемы: матер. VI межрег. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ, 2011. – С. 118–123.

75. Команджаев, Е.А. Монголо-ойратские законы 1640 г. как основной источник права калмыков XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев // Право Кавказской цивилизации. Вып. 1. – Ростов н/Д; Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014. – С. 257–269.

76. Команджаев, Е.А. Батыров, В.В. Особенности гражданско-правовой ответственности калмыков в XVII–XVIII вв. / Е.А. Команджаев, В.В. Батыров // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики : материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со

дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И. Рассадина. – Элиста: КалмГУ, 2014. – С. 412–416.

77. Команджаев, Е.А., Батыров, В.В. Роль зайсангов в калмыцком обществе в XIX в. / Е.А. Команджаев, В.В. Батыров // Приоритетные направления развития науки и образования: матер. VII Междунар. науч.-прак. конф. – Чебоксары: Чувашский госуниверситет, 2015. – С. 31-34.

78. Команджаев, Е.А., Батыров, В.В. К вопросу о преподавании основ буддийской веры в Астраханском калмыцком училище (вторая половина XIX в.) / Е.А. Команджаев, В.В. Батыров // Буддизм в диалоге культур Востока и Запада: прошлое, настоящее и будущее: матер. Междунар. форума. – Элиста: КалмГУ, 2016. – С. 69–72.

79. Команджаев, Е.А. Защита интересов Российского государства при образовании государственности калмыцкого народа / Е.А. Команджаев // «Интересы в праве» (Жидковские чтения): матер. Междунар. науч. конф. – М.: РУДН, 2016. – С. 510-517.

80. Команджаев, Е.А. Интеграция калмыцкого права в российскую правовую систему в XVIII–XIX вв. / Е.А. Команджаев // «Тенденции развития права в социокультурном пространстве» (Жидковские чтения): матер. Междунар. науч. конф. – М.: РУДН, 2017. – С. 513-521

81. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н. Экономическое положение Калмыкии накануне 1917 г. / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев // Развитие национально-государственного строительства на Юге России в период октября 1917 г. – 1920 г.: Росс. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ, 2017. – С. 114–120.

82. E.A. Komandzhayev, A.N. Komandzhayev, O.N. Abeyeva, T.E. Tsekeyeva. Pastoralism in Kalmykia: Historical Experience and Modernity // International scientific and practical conference "AgroSMART - Smart solutions for agriculture" (AgroSMART 2018). Atlantis Press: 2018. Series: Advances in Engineering Research. V. 151. – P. 932–936.

83. Команджаев, Е.А. Некоторые теоретико-методологические подходы к изучению институтов публичной власти в Калмыкии / Е.А. Команджаев // Особенности управления национальными территориями в России: матер. нац. науч.-прак. конф. – Элиста: КалмГУ, 2019 – С. 21–25.

84. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н., Мийманбаева, Ф.Н. Изменения в социальных отношениях населения Семиречья / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев, Ф.Н. Мийманбаева // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских народов во времени и пространстве:

матер. 3-его Междунар. науч. форума, посвященного 80-летию со дня рождения профессора В.И. Рассадина. – Элиста: КалмГУ, 2019. – С. 39–46.

85. Команджаев, Е.А., Очир-Гаряева, И.К., Булуктаева, К.Ю. Legal framework for activities of Kalmyk governing bodies in the 18th century / Е.А. Команджаев, И.К. Очир-Гаряева, К.Ю. Булуктаева // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма: матер. Междунар. науч. конф, посвященной 20-летию Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. – Грозный, 2019. – С. 1305-1314.

86. Команджаев, Е.А., Очир-Гаряева, И.К. On the establishment of the trustee system of governance in Kalmykia (О создании попечительской системы управления в Калмыкии) / Е.А. Команджаев, И.К. Очир-Гаряева // SCTMG-2020. International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism». – pp. 3749-3755.

87. Команджаев, Е.А., Очир-Гаряева, И.К., Крылова, Е.В. On legal aspects of status determining of kalmyks before joining Russia / Е.А. Команджаев, И.К. Очир-Гаряева, Е.В. Крылова // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS (Европейские труды по социальным и поведенческим наукам EpSBS): Международная конференция по социальным и культурным трансформациям в контексте современного глобализма (SCTCMG 2021). – pp. 1183-1188.

88. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н. Назначение Н.И. Страхова главным приставом калмыцкого народа (по материалам российского законодательства 1801-1802 гг.) / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев // Nomadic civilization: historical research. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 25–38.

Общий объем опубликованных работ составил 67 печатных листов.

**Команджаев Евгений Александрович
(Российская Федерация)**

Становление и развитие институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв.: историко-правовое исследование

Диссертация посвящена историко-правовому анализу становления и развития институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв. с позиций цивилизационно-культурного подхода. Калмыцкое общество значительно отличалось в своем развитии от соседей на юге России. Поэтому изучение опыта развития институтов публичной власти в калмыцком обществе на протяжении трех столетий имеет важную теоретическую и практическую значимость.

В диссертации применены диалектический и цивилизационно-культурный подходы. Автором исследован широкий круг научной литературы и источников, в том числе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Впервые на широком историческом фоне показано развитие традиционных институтов публичной власти калмыцкого общества и степень их вовлечения в общероссийскую систему публичной власти.

**Komandzhaev Evgeny Alexandrovich
(Russian Federation)**

Formation and development of institutions of public authority in Kalmyk society in the 17th - early 20th centuries: historical and legal research

The dissertation is devoted to the historical and legal analysis of the formation and development of institutions of public power in Kalmyk society in the 17th - early 20th centuries. from the positions of civilizational and cultural approach. Kalmyk society differed significantly in its development from its neighbors in southern Russia. Therefore, the study of the experience of the development of institutions of public authority in the Kalmyk society over the course of three centuries has an important theoretical and practical significance.

The dissertation uses dialectical and civilizational-cultural approaches. The author has studied a wide range of scientific literature and sources, including archival materials, introduced into scientific circulation for the first time. For the first time, against a broad historical background, the development of traditional institutions of public power in the Kalmyk society and the degree of their involvement in the all-Russian system of public power is shown.